

ΛΑΥΡΑ
ΓΡΑΦ

ΣΤΑΦΟΥΦ
Stuffed

Annotation

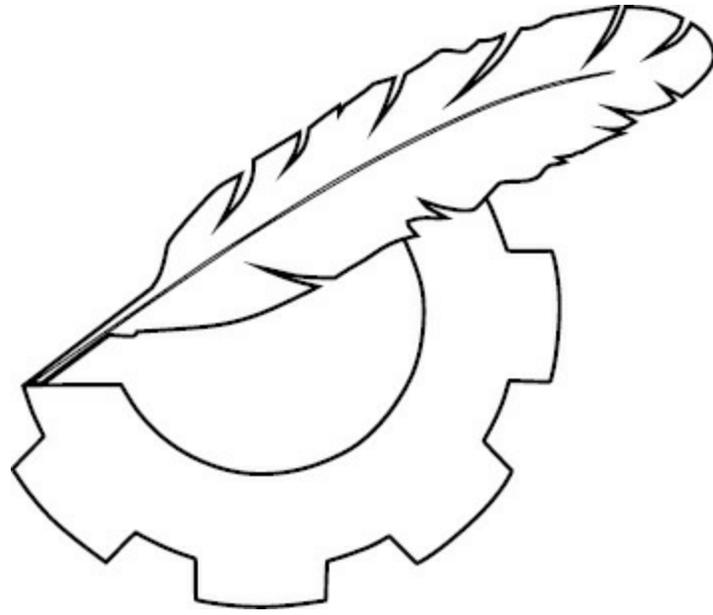
Анна — молодая девушка с точеной талией и острым умом — поступает на работу горничной в один из рублевских особняков.

Здесь ей придется столкнуться с жесткими правилами, по которым живет современная российская элита, где большие деньги снимают с человека все наносное и открывают его истинную сущность — у кого добрую и понимающую, у кого вздорную и тираническую, а у кого и вовсе жестокую и порочную.

Девушке предстоит пройти нелегкий путь и претерпеть немало испытаний, прежде чем обрести верных друзей и найти свою любовь.

Однако за право быть счастливой она вынуждена будет заплатить очень высокую цену.

Лаура Граф
Стафф

Подружиться с кем-то из стаффа и стать заложником эмоций?

Никогда и ни при каких обстоятельствах!

Таков наш закон!

— Вы утверждаете, что все умеете? — менеджер по подбору персонала пристально смотрела на Анну, пытаясь понять степень ее квалификации. — И с парогенератором работали, и знаете, что фосфаты в некоторых порошках отклеивают стразы, и их использование для VIP-гардероба исключено?

Анна кивает головой.

— Да, именно так.

— А что насчет удаления пятен? Ну, например, какие существуют энзимы и что они удаляют? — продолжила допрос менеджер.

— Протеазы, щелочные энзимы, способствуют удалению загрязнений белкового происхождения, крови, травы и некоторых видов пищи. Амилазы эффективны в удалении крахмальных загрязнений, таких как загрязнения картофельным пюре, соусами и...

— Какие моющие средства предпочитаете? — перебила ее менеджер.

— Исключительно экологически чистые. Они безвредные, эффективные и натуральные.

— Умеете ли вы чистить столовое серебро, хрусталь?

— Да.

— Вы страдаете аллергией?

— Нет.

— Как вы реагируете на замечания? Насколько вы терпеливы?

— Я крайне терпеливый человек. Стараюсь избегать конфликтов. — Девушка почувствовала невероятную усталость. Вот уже целый час, как она подвергалась попытке под названием «собеседование». Маленькие капельки пота выступили на ее лбу, и девушка, стараясь не привлекать внимание, быстро и непринужденно протерла лоб салфеткой.

— Расскажите о своей семье — замужем ли вы, есть ли дети?

— Нет...

— Вам 33 года. Простите, но мы должны знать все, чтобы не было сюрпризов.

— Не было подходящей партии. — Меньше всего на свете Анне хотелось обсуждать свою личную жизнь с женщиной, которую она едва знает и которая к тому же с холодной бесстрастностью тестирует ее профпригодность.

Менеджер вновь окинула Анну с головы до ног своим пристальным взглядом. Девушка невольно заерзала на стуле. Тем временем менеджер — статная женщина лет сорока пяти — продолжала сверлить девушку взглядом, останавливаясь на юбке макси серого цвета.

— Вы в последний раз когда сексом занимались?

Анна округлила глаза и часто заморгала, затем, резко вскинув подбородок, пошутила:

— Только что! В лифте!

Это был нормальный вопрос для стресс-интервью, о котором Анна знала не понаслышке. Многие кандидатки отваливались на вопросах про интимную жизнь, лишний вес или бальзаковский возраст: начинали спорить, вместо того чтобы повернуть ситуацию в позитив, чего, собственно говоря, от них обычно и хотели HR-менеджеры.

Менеджер улыбнулась.

— Не поймите меня неправильно. Клиенты бывают разные, и мы должны предусмотреть все. Например, некоторое время назад к нам обратился один наш очень уважаемый клиент, который уволил горничную за то, что она сделала ему замечание, увидев как-то обнаженным. Он человек взрослый, и одной матери ему достаточно. — Менеджер пыталась проследить за реакцией Анны, которая и бровью не повела после услышанного. — Мы пытаемся избежать недопонимания между работодателем и его штатом...

Анна кивнула, стараясь подавить смешок. Она с трудом представила себе эту картину, подумав при этом, как это вообще возможно, чтобы горничная делала такого рода замечание своему хозяину.

Женщина откашлялась и вновь с прищуром взглянула на Анну.

— Вы должны быть максимально стрессоустойчивы! Резюме у вас безупречное. У вас даже высшее образование имеется, но, к сожалению, вы не работали с VIP. Ваш уровень — это средний класс. — Женщина выдержала драматическую паузу, глубоко вздохнула, а затем продолжила свой допрос: — Имея высшее образование, вы могли бы претендовать на работу по специальности?

— Не могу позволить себе роскошь работать за гроши по своей специальности. А труд домработницы достаточно высоко оплачивается, и меня это вполне устраивает, — твердо заявила Анна, зная наперед, что ответ она по-другому, ее сразу спишут со счетов: на рынок труда современной прислуги допускают незлобленных людей, без каких-либо необоснованных амбиций. На тех, кто считает, будто они низко пали ради роли домашней прислуги, сразу ставится крест кадровым агентством.

Анна была умной, начитанной женщиной, закончившей в провинциальном городке факультет журналистики и обладающей определенными навыками и талантами. Мать девушки умерла, когда ей было шесть лет, а отец обрел новую семью, в которой не было место Анне. Девушке пришлось заботиться о себе самой. Она долго и упорно трудилась, чтобы иметь возможность поступить, а потом еще и закончить, пусть и заочно, но столь желанный ею факультет, но, к сожалению, найти работу по указанной специальности, да еще и с хорошим заработком представляло определенную сложность не только в провинции, но и в мегаполисе. Таким образом, обстоятельства и материальные аспекты внесли свои коррективы в ее дальнейшую трудовую деятельность.

— Вы не связаны с какой-либо кредитной историей? — тем временем продолжала задавать вопросы менеджер.

— Нет.

— У вас имеются рекомендации?

— Да. — Анна достала из сумочки три письма с предыдущих мест работы и протянула менеджеру.

Менеджер зачитала первое письмо:

«Анна Абашева работала у меня в качестве горничной на протяжении одного года. На нее вполне можно положиться, она честная, ответственная, приятная в общении. Ее обязанности состояли в уборке дома, а также в прислуживании членам семьи во время трапезы. Я очень к ней привязана, однако мы вынуждены с ней расстаться потому, что переезжаем в Париж.

С уважением, Инна Алексеева

Адрес...

Телефон...»

Дочитав остальные рекомендательные письма, женщина протянула их законной владелице.

— Рекомендации мы проверим, но не буду вас обнадеживать — требования очень жесткие. Мой ассистент проводит вас в кабинет, где проходят тестовые задания. Это следующий этап. Возможно, вы пройдете испытание на смекалку, ну а потом тестирование на психологическое состояние, служба безопасности и прочие формальности, — многозначительно улыбнувшись, предупредила ее менеджер.

В дверях появился молодой светловолосый парень.

— Дмитрий, проводите Анну в кабинет для прохождения теста.

Женщина еще раз взглянула на Анну.

— Желаю удачи!

— Спасибо! — Анна встала и направилась к дверям.

— А когда я смогу узнать о результатах?

— Если в течение недели с вами не свяжутся, значит вы не прошли.

Анна кивнула и молча вышла из кабинета, оставив менеджера в глубокой задумчивости.

В этот момент раздался телефонный звонок. Женщина встала и направилась к телефону.

— Алло! Да. Как? У нее же был отмененный опыт работы? Что сделала? Забыла отвезти на стрижку собачку? — чуть ли не кричала в трубку менеджер по подбору персонала.

Лоб, на котором прорезались мелкие морщинки, покрылся легкой испариной. Взяв в руки влажную салфетку, она протерла лицо, плюхнулась в кресло и так сдавила от злости кулак, что у нее побелели костяшки пальцев. В этот момент она была способна взять тяжелый предмет и швырнуть его куда угодно, только бы почувствовать облегчение, но многолетняя выдержка и присущая ей хладнокровность не позволили ей дать выход своим эмоциям, а потому она лишь натянула на себя дежурную улыбку и иронично проштудировала:

— Клиент всегда прав!

Откинув голову назад, женщина закрыла глаза.

Анна вышла в коридор и вздохнула. Она наконец почувствовала облегчение, и напряжение, царившее в кабинете менеджера, стало медленно отступать.

В животе предательски заурчало от голода. Девушка вспомнила, что съела утром жареный кусочек белого хлеба с маленьким ломтиком сыра, запив это чашкой кофе.

Анна оглянулась. Хмурое утро сменилось не менее хмурым днем. Коридор был еще полон народу. Некоторые перешептывались, другие с тревогой поглядывали на открывающиеся двери, ожидая своей очереди или вынесения вердикта относительно своей дальнейшей судьбы.

Среди соискателей были и мужчины, и женщины. Все они выглядели довольно прилично, так как данное кадровое агентство специализировалось исключительно на поиске домашнего персонала для VIP-клиентов.

Девушка присела рядом с другими женщинами, пока Дмитрий в отдельно отведенном кабинете тестировал оставшихся соискателей. Анна невольно улыбнулась, увидев у одной из рядом сидящих девушек сумку Louis Vuitton, которой та самодовольно хвасталась перед остальными. Анна сразу обратила на нее внимание: полненькая, рыжеволосая девушка, лет тридцати, с зелеными круглыми глазами, ямочками на щеках и милыми веснушками невольно притягивала к себе взгляды.

— И вот моя милая Вика подарила мне эту сумку со словами: «Ксения, я никогда тебя не

забуду! Ты была мне верной подругой и наперсницей!» — Ксения пустила слезу, осела и буквально растеклась на своей сумке.

— Повезло тебе. А у меня была просто... даже слов не подберу. Сначала такая вроде добрая: и деньги в долг давала, и на выходные к родне отпускала, а потом — конец и долговая кабала. Обращалась с нами хуже некуда, — жаловалась Ксении собеседница.

«А разве не любой, кто имеет статус подчиненного, находится в кабале?» — подумала сидящая рядом Анна.

— Отказали, — сокрушался вышедший из кабинета № 5 мужчина средних лет. Он выглядел уставшим, поникшим, потерянным.

— Стас, почему? — побелевшими губами спросила Ксения.

Стас присел рядом с девушкой и тяжело вздохнул.

— Все вроде было хорошо, потом они задали мне вопрос по поводу аллергии. Я ответил, что она посещает меня весной. Они переглянулись и сразу мне отказали.

— А причем тут твоя аллергия? — не унималась Ксения.

— Сначала я тоже не понял. Однако, как оказалось, все дело в том, что именно весной, когда она у меня обостряется, у хозяйки очень много разъездов, вот они и решили, что я не справлюсь!

— О, Стас! Мне так жаль! — воскликнула Ксения и прижалась к его плечу.

— Ничего. Переживу. Буду искать что-то другое.

— Тебе же сейчас так нужны деньги... — задумчиво промолвила девушка.

Анна с удивлением рассматривала странную парочку. Было непонятно, кем они друг другу приходятся. Скорее в их близости было что-то родственное, нежели плотское, заключила Анна, внимательнее присмотревшись к внешности и поведению этих двоих.

— Я что-нибудь придумаю! — воскликнула Ксения и поцеловала его в щечку.

На хмуром лице мелькнула мимолетная улыбка.

— Ладно, я пойду. Дети дома ждут.

— Привет племяшкам. До встречи! — девушка проводила Стаса печальным взглядом.

Просидев в неподвижном состоянии несколько минут, Ксения неожиданно обернулась к Анне.

— А вы на какую вакансию?

«А разве это имеет значение? Все мы — всего лишь *домашний персонал*, и крепостное право так и остается крепостным, только теперь мы как крепостные имеем сертификаты, знаем составы разных порошков, умеем ухаживать за сервизом Hermes и ловко управляем парогенератором», — подумала про себя Анна, но вслух произнесла другое:

— Горничной, — отозвалась Анна.

— Я тоже во второй департамент стаффа! — поделилась Ксения.

— В смысле? — переспросила Анна, с недоумением посмотрев на собеседницу.

— Как, вы не знаете про департаменты? — удивилась Ксения. — Это же сейчас новая фишка у миллионеров — прислуга делится на департаменты, которые гордо называют одним объединяющим словом — стафф!

— Полагаю, мое незнание не так уж и страшно, — с вызовом ответила Анна.

— Ну как же? Все знают про департаменты, — добавила рядом сидящая женщина.

Анне не понравилось, что Ксения и женщина смотрели на нее с нескрываемым высокомерием.

В этот момент в дверях появился Дмитрий, который прервал ликбез Анны.

— Госпожа Абашева, прошу следовать за мной.

Девушка встала и последовала за парнем. Тем временем Ксения и ее собеседница переглянулись и пожали плечами.

— Гордая какая! — заметила Ксения.

— Богачи не любят с гонором. Сами такие, — добавила женщина и вновь переключилась на рассказ о своей хозяйке.

Из окна машины Анна наблюдала за дождливыми пейзажами, нервно теребя в руках свою новенькую сумочку, купленную на распродаже. Водитель что-то насвистывал себе под нос и курил сигарету. Иногда он поглядывал через зеркало на заднее сиденье, где притихла девушка, и недоуменно пожимал плечами.

Тем временем Анна думала о конце своего пути и новой жизни, а скорее новом мире, в котором она отныне должна жить и работать.

В субботу вечером, спустя почти две недели после собеседования, ей позвонил тот самый Дмитрий, который мучил ее несколько часов подряд в душном кабинете, и сообщил, что ее утвердили на позицию горничной. Анна ухмыльнулась, вспомнив, каким важным тоном он это произнес — как если бы ее утвердили на пост министра. В тот же вечер девушка стала собирать свои жалкие остатки гардероба. Два долгих безработных месяца, в течение которых она моталась по собеседованиям, сказались как на ее скудном гардеробе, быстро проданном ею в секонд-хенд, так и на ее моральном состоянии. За это время ей пришлось драить унитазы в общественных местах, убирать в больницах, школах и офисах, а также подметать по утрам дворы вместе с таджиками. Девушка вздохнула, но не стала плакать, как она обычно делала в одиночестве. Присутствие таксиста останавливало Анну. «Ну ничего!» — успокаивала она себя, в надежде, что все изменится к лучшему и ее новые хозяева окажутся хорошими людьми.

Пока девушка размышляла о перипетиях своей жизни, автомобиль все быстрее приближал ее к конечной остановке. Анна обратила внимание, что каждая вторая машина на шоссе — это либо роллс-ройс, либо бентли, либо мерседес. Наконец они въехали в огороженный поселок, густо усеянный роскошными домами. На улице смеркалось, дождь уже не так барабанил по крыше автомобиля, давая понять, что его миссия подходит к концу.

Анна с интересом стала разглядывать появившиеся частные дома, возведенные за пределами города, — Рублевка. Это был особый мир, к которому принадлежали лишь избранные. Здесь царил особая атмосфера — атмосфера богатства и роскоши, привлекающая людей извне, всегда желающих заглянуть за эту завесу, проникнуть в образ жизни, историю, законы другого, чуждого ему мира. В этот момент все эти эмоции, порывы, желания, обусловленные жизнью, социальным статусом и самой историей, отражались на лице у той, которая и являлась представителем другого, чуждого Рублевке мира.

Пока девушка с восторгом оглядывалась по сторонам, автомобиль медленно подъезжал к огромному особняку, строение которого поражало своими масштабами. Таксист остановился возле ворот, изготовленных из металлических прутьев, выкрашенных в благородный коричневый цвет. Анна вышла из машины и вздохнула полной грудью. Она достала свой скудный чемоданчик, распрощалась с водителем и подошла к охране. После того как она представилась, ей пришлось прождать еще минут десять, пока ворота стали медленно открываться, пропуская ее в роскошный мир. Озираясь по сторонам, девушка шагнула навстречу новой жизни.

Архитектура дома была выдержана в стиле барокко, завораживала своей пышностью и

роскошью: витые колонны, скульптуры, лепнина, резной орнамент, роспись, большие окна в форме полциркуля и многое другое, что подчеркивало либо дополняло общую картину указанного стиля. Рядом с особняком было расположено несколько клумб, украшенных декоративными растениями и живописными зелеными лужайками.

Главный вход в особняк находится между двумя колоннами, разместившимися на устойчивых пьедесталах, к которым и подошла Анна. Однако прежде, чем она дотянулась до звонка, дверь распахнулась и на пороге появилась чопорная дама лет сорока пяти, в строгом сером костюме.

— Госпожа Абашева, вы слишком рано, — строгим тоном, соответствующим ее внешности, заметила женщина, — господин Смит еще занят. Вам придется подождать.

Анна сглотнула. Тот самый Дмитрий из отдела кадров предупредил ее, что, прежде чем приступить к своим обязанностям, ей необходимо встретиться с батлером дома — неким господином Смитом — и что батлер может сразу отправить ее домой, если она придется ему не по душе. «Получается, что первый промах я совершила!» — с ужасом подумала девушка, ведь до встречи с батлером было еще много времени — непозволительно много, но она так спешила расстаться с прежней жизнью, что и не заметила, как молниеносно с ней распрощалась. А ведь согласно книге по этикету, которая стала ей настольной за последнюю неделю, опаздывать в некоторых случаях было гораздо приличнее, чем приходить раньше назначенного времени.

Анне стало неловко. Тем временем женщина продолжала:

— Меня зовут Валентина Николаевна. Я помощница господина Смита... Проходите. Кстати, на будущее: весь штафф, кроме батлера, входит в дом с черного хода, — прямо с порога объяснила ей грозная фрау, окинув девушку с головы до ног неодобрительным взглядом, от которого Анна вся съежилась, как от порыва холодного ветра. Ее внешний вид, впрочем, как и промокшая обувь, которую она аккуратно сняла и засунула в пакет, не соответствовали обстановке дома. В этот момент она казалась себе самым негармоничным предметом интерьера.

— Следуйте за мной. Так как у нас еще есть время, я покажу вам дом.

Анна едва поспевала за женщиной, которая начала проводить ей экскурсию по дому. Девушка только ахала и еле сдерживала эмоции, чтобы не показаться бестактной. Никогда в жизни она не видела ничего подобного. Да и откуда она могла такое видеть? Интерьер в стиле барокко, предполагающий наличие большого свободного пространства, создавал впечатление необъятности дома. Везде — художественные гобелены, стены, декорированные шелковыми тканями, сочетание насыщенных темных и полупрозрачных светлых оттенков, темная вычурная мебель, обитая текстилем и красиво задрапированная, которая смотрелась еще более изысканно на фоне обитых светлыми шелковыми тканями стен. Изящные статуэтки, всевозможные вазы, характерные для всех предметов позолота и серебро являлись неотъемлемой составляющей всего стиля в доме.

От такой красоты у Анны закружилась голова. Ее гид только ухмылялась, видя, какое впечатление на нее производит окружающая обстановка. Видимо, женщине часто приходилось сталкиваться с застывшим выражением восторга на лицах прибывающего штаффа, поэтому она лишь снисходительно улыбалась, как бы говоря: «Не вы первые, не вы последние, а все остальное неизменно!» Неизменным в этом контексте, конечно, являлась роскошь, в отличие от прислуги, лица которой мелькали, словно призрачные явления, со временем унося с собой даже эти мимолетные видения. Во время своего нескончаемого

путешествия Анна удивилась царившей в доме тишине. Как будто угадав ее немой вопрос, Валентина пояснила:

— Хозяева уехали отдыхать. Приедут через два дня.

Когда экскурсия завершилась, женщина дошла до массивных темно-коричневых дверей и постучала.

— Войдите!

Услышав доносящийся из кабинета голос, Валентина кивнула Анне, давая ей возможность зайти первой.

Кабинет батлера представлял собой сочетание аристократичной утонченности, консерватизма и элегантно умеренности. Выдержанный в таком духе, с мини-библиотекой, наваленными на столе стопками документов, книг и журналов, он как будто способствовал умственной работе.

— Добро пожаловать, госпожа Абашева! — поприветствовал ее с акцентом стоящий у мини-библиотеки высокий, статный мужчина лет пятидесяти, с черно-седыми волосами, пронзительным и строгим взглядом. Одет он был в черный фрак с белой накрахмаленной сорочкой, черные брюки и черный галстук.

«Англичанин! Тот самый знаменитый батлер, который в богатых домах является три в одном: и дворецкий, и мажордом, и хаусменеджер. Символ безупречности и преданности», — подумала Анна.

Батлер был специалистом широкого профиля. Именуемый по-английски мажордомом, он создавал максимально комфортные условия жизни для работодателя и всех домочадцев.

— Здравствуйте! — робко поздоровалась девушка.

— Проходите. Меня зовут Альберт. Я — батлер этого дома!

Анна осторожно переступила порог кабинета и остановилась как вкопанная, ожидая дальнейших распоряжений.

— Госпожа Абашева, вы когда-нибудь подрабатывали горничной в отелях?

— Да. — Анна не указывала этот пункт в своем резюме. Девушка недоумевала: откуда батлер мог узнать об этом, тем более что официально она тогда не оформлялась?

Девушка похолодела, ожидая подвоха. Она уже была готова к тому, что сейчас ей прямоком укажут на дверь.

Поняв, что застал своим вопросом ее врасплох, Альберт откашлялся.

— Как правило, прислуга всегда имеет опыт работы в гостиницах. Я спрошу прямо: какой вывод вы сделали, работая в гостиничном сервисе?

Анна задумалась.

— Наверное, то, что в нашем деле всегда важны детали.

Альберт с одобрением посмотрел на Анну.

— На сегодня вы свободны. Валентина проводит вас в вашу комнату. Обустраивайтесь. Завтра у вас будет тяжелый день. — Батлер дал понять, что разговор окончен, и повернулся к девушке спиной.

«И на этом все? Какой странный батлер!» — недоумевала Анна, пока Валентина провожала ее в комнату.

Пройдя длинный коридор, Валентина остановилась около последней двери в конце тоннеля и посмотрела на Анну.

— Ну вот мы и пришли. Отдыхайте. Завтра ждем вас в 7 часов в кабинете господина Смита. — Помощница батлера развернулась и зашагала прочь.

Оставшись в своей комнате, Анна огляделась. Комнатка была небольшой, даже тесной, как если бы ее оборудовали из бывшего чулана. В ней не было ничего лишнего, вычурного, роскошного. Все было сделано в стиле минимализма, но минимализма скорее военного, как в казарме. Эта комнатка напоминала отдельный заброшенный островок без зелени и фруктов, в то время как на главном острове все вокруг ломилось от изобилия.

Девушка распаковала свои вещи и аккуратно сложила их в небольшой шкафчик, стоящий по левую сторону от кровати. Затем она достала из дорожной сумки любимый дневник, в который записывала все свои журналистские наблюдения, и несколько обучающих книг для прислуги. Все это она положила на тумбочку, подчеркивая их статус настольных для чтения в ближайшее свободное время.

Закончив с обустройством своей скромной коморки, девушка кое-как стянула с себя одежду, быстро приняла душ и опустилась на кровать, почувствовав невероятную усталость. Перед тем как выключить ночник, она вновь вспомнила вопрос батлера и свой ответ. И какой, интересно, он мог сделать вывод? Но усталость оказалась сильнее любопытства, и она провалилась в глубокий сон...

Утренний будильник известил свою соседку о начале трудового дня. Анна с трудом разомкнула глаза и буквально заставила себя встать с постели. Быстро приняв душ и надев черное платье, которое ей накануне выдала Валентина, она отправилась на поиски кабинета батлера, где должна была проходить рабочая планерка.

Немного поблуждав по дому, Анна все-таки отыскала нужный этаж и дверь, ведущую в кабинет, и, набравшись храбрости, постучала, а затем вошла.

Кабинет был полон прислуги, среди которой были молодые девушки, взрослые женщины и несколько мужчин. Практически все они молчали, ожидая батлера. Лишь несколько голосов, перешептывающихся между собой, нарушали общую тишину.

«Видимо тут собрались все департаменты», — подумала про себя Анна.

Неожиданно ее взгляд упал на Ксению, ту самую девушку, которая проходила собеседование в тот же день, что и она. Ксения тоже узнала Анну и, улыбаясь, подошла к ней ближе.

— Привет!

— Привет! — улыбнулась Анна. Ей стало как-то легче от того, что в этом доме есть хоть кто-то, кого она знает.

Ксения не успела ответить Анне, так как в этот момент открылась дверь и на пороге появился батлер, а за ним и Валентина Николаевна. Батлер оглядел всех присутствующих, подошел к своему столику, достал из ящика какой-то журнал и начал его внимательно изучать. В кабинете повисла гробовая тишина.

Наконец, оторвав взгляд от журнала, господин Смит начал торжественную речь:

— Хочу вас поприветствовать и поздравить с новым рабочим местом.

Анна задумалась. Имя у батлера было древнегерманского происхождения, а фамилия чисто английская — Смит. Альберт говорил на русском языке с небольшим акцентом, но в целом очень даже неплохо.

— Вы все подписали соглашение о конфиденциальности и договор, — полувопросительно-полуутвердительно начал батлер, разбирая какие-то документы, — и надеюсь, прежде чем их подписать, вы подробно ознакомились с каждым пунктом и изучили соответствующую инструкцию?!

Кто-то начал кивать головой, но никто не решался говорить. Статный Альберт внушал

неосознанный трепет и робость. Анна вспомнила, как подписывала договор трясущимися руками: конечно, в статусе известного агентства она не сомневалась, но все же случаи бывали разные, в том числе связанные с недобросовестностью заказчиков. Однако все тени недоверия быстро испарились из ее головы, как только она поняла, с кем ей придется иметь дело, а точнее на кого работать. Тем более ее удивил выбор, сделанный в ее пользу. Не имея должного опыта, она совершенно не соответствовала статусу будущего работодателя. Однако, как соизволил объяснить ей Дмитрий, люди с безупречными рекомендациями в сфере обслуживания VIP-клиентов на деле оказывались не очень хорошими сотрудниками. Критерием же отбора для их агентства является человек, способный учиться и выполнять свою работу честно. Это касалось и опытных батлеров (Анна на тот момент мало понимала, что представлял собой батлер), которые понимали, что время, потраченное на такого сотрудника, не проходит даром и окупается последующим поведением и прилежностью в работе. Так вот в Анне сумели разглядеть указанный потенциал, о чем подчеркнуто-заносчиво и сообщил ей Дмитрий, заслужив лучезарную улыбку девушки.

— Сейчас я сделаю небольшую переключку, чтобы вы могли познакомиться друг с другом. Некоторые из вас новенькие в этом доме, другие уже своего рода старожилы. Ну а затем я коротко расскажу вам об укладе семьи, в которой вы отныне будете работать, и повторю кое-какие инструкции.

Батлер вновь уткнулся в свой журнал и начал переключку:

— Максим и Роза Фроловы. — После того как Альберт произнес указанные имена и фамилию, вперед вышли мужчина лет сорока пяти и женщина примерно такого же возраста. Как впоследствии пояснила Анне Ксения, они были мужем и женой.

Максим не отличался примечательной внешностью, впрочем, как и Роза. Они обладали внешней схожестью, едва уловимой, но часто встречающейся среди супружеских пар: оба были невысокого роста, светловолосые и светлоглазые.

— Максим — водитель хозяина дома Константина Викторовича, Роза — горничная на VIP-гардеробе, но иногда так же, как и другие, она будет помогать по хозяйству, особенно в дни приема. Опыт у нее огромный. — Альберт поднял голову, красноречиво давая понять, что каждый из стаффа должен запомнить имена и обязанности своих коллег.

— Виктория Панина, — продолжил переключку Альберт.

Вперед вышла женщина лет тридцати пяти — тонкая, изящная, обладающая пронзительными карими глазами и красиво очерченными скулами. На ней был элегантный темно-коричневый костюм и не менее элегантные очки в черной оправе. Волосы были собраны в пучок, что придавало ее взгляду большую открытость и выразительность. Виктория коротко кивнула присутствующим.

— Виктория — личная гувернантка Лизы и Дани, двойняшек Вадимовых. Она и есть одна из старожиллов этого дома.

Глядя на Викторину, Анна невольно ахнула. «Теперь я понимаю, почему время от времени в газетах появляются заголовки об изменах мужей с нянями детей! Мимо такой красоты трудно пройти мимо». Конечно, нельзя было сказать, что Анна обладала заурядной внешностью, но возможности выгодно преподнести то, что даровала ей природа, у нее никогда не было, а этот факт имел большое значение, ведь девушка выглядела весьма посредственно. Она переводила взгляд с Виктории на зеркало, которое висело неподалеку от Альберта, и, видя в нем свое отражение, невольно втягивала голову в плечи. Вьющиеся волосы, торчащие из наспех сделанного пучка, слегка широковатый, но четко обрисованный

подбородок, и ее единственная, как ей казалось, гордость, — миндалевидные глаза голубого цвета.

— Анна Абашева и Ксения Башкина. — Услышав свое имя, Анна вздрогнула от неожиданности и оторвала свой взгляд от отражения в зеркале.

Присутствующие стали с интересом разглядывать двух девушек, чем вызвали некоторое смущение Анны. Не привыкшая к пристальному вниманию со стороны окружающих, будучи по природе скорее интровертом, нежели экстравертом, Анна всегда была полностью сосредоточена на работе и учебе и мало общалась со сверстниками, имея небольшое количество приятелей и еще меньшее количество друзей. Вся ее жизнь заключалась в борьбе за место под солнцем, и это место в ее мечтах было связано с журналистикой.

— Анна и Ксения будут заниматься уборкой дома и сервировкой стола, ну и, конечно, во время торжественных приемов обслуживанием гостей. У вас большая зона работы, поэтому вам в помощь я назначаю Юсупову Гульнару.

В этот момент вперед вышла Гуля и, чуть ли не присев в книксене, с некоторым трепетом посмотрела на батлера. Казашка по происхождению, она была типичной представительницей своего народа: раскосые и узкие глаза, черные как смоль волосы и смуглая кожа.

— Еще одни старожилы этого дома — Михаил Гришин, шеф-повар, и его помощница Люба Кузнецова, — тем временем продолжал Альберт.

— Всем добрый день! — поприветствовал стафф Михаил, невысокого роста, пухленький, круглолицый мужчина лет сорока пяти, с первого взгляда расположивший к себе новых представителей департаментов, впрочем, как и его помощница, которая по телосложению была похожа на своего наставника, однако выглядела она старше.

— Садовник Максим в данный момент работает в саду, второй водитель в отпуске. Ну а в завершение познакомьтесь с Валентиной Николаевной — моей помощницей, уполномоченной от моего имени давать вам соответствующие распоряжения. — Стафф оглянулись и встретились с орлиным взглядом той, которая внушала не меньший трепет, чем и сам батлер, а может, даже больший.

Женщина гордо прошествовала к тому месту, где сидел Альберт, и встала рядом.

— Добро пожаловать в семью Вадимовых! — поприветствовала собравшихся Валентина Николаевна.

— Валентина Николаевна, будьте так любезны и зачитайте, пожалуйста, присутствующим некоторые очень важные правила, — попросил ее Альберт.

Валентина кивнула.

— Первое и самое важное правило — следите за своим внешним видом: одевайтесь чисто и опрятно в рабочую униформу. Ваша обувь должна быть чистой, закрытой, скромной, без каблука. Никогда не забывайте надевать во время обслуживания и сервировки стола белые перчатки, аккуратно причесывайтесь, употребляйте минимум косметики, вообще не используйте духи с сильными запахами. Всегда содержите в порядке инвентарь и химические средства, необходимые для работы. Обращайтесь к работодателю, членам его семьи и детям старше 14 лет на «Вы». Никому из вас не позволено интересоваться подробностями личной жизни работодателей и задавать вопросы на эту тему. — Валентина остановилась и обвела взглядом стафф, пытаясь понять, какое впечатление производят на его членов перечисленные ею правила. Прислуга молчала, целиком и полностью внимая «проповеди о заповедях» в доме Вадимовых.

— Обсуждать работодателей с другим домашним персоналом запрещено — продолжала тем временем Валентина.

— Вам запрещено рассказывать кому бы то ни было о ссорах, образе жизни и привычках своих хозяев. Держите язык за семью печатями, а не то придется отрубить! — черный юмор Валентины мало напоминал юмор, учитывая, с чьих уст он сорвался.

Слова Валентины прозвучали настолько мрачно и уныло, что в кабинете повисла гнетущая тишина. Анна даже слышала биение соседних сердец. Прислуга выстроилась в длинную шеренгу, прямо как в армии, и, замерев, ожидала дальнейших приказов.

— Я надеюсь, вы все уяснили. — Фрау Валентина, как ее в шутку стала называть Анна, посмотрела на Альберта, как бы говоря, что ее инструктаж окончен.

— И еще одно главное правило. — Вперед вышел грозный батлер. — Не пытайтесь завязать дружбу с работодателем. Он может относиться к вам хорошо, но это вовсе не означает, что он должен стать вашим другом. Ну а теперь, господа, перехожу к краткому распорядку дня: каждый день в 07.00 вы должны без опозданий собираться у меня в кабинете и получать задания на день. Завтракаем на кухне, соответственно обедаем и ужинаем там же. Если в одном департаменте двое или более двух человек — завтрак, обед и ужин происходит поочередно. Через парадный подъезд из персонала могу входить и выходить только я и гувернантка, то есть Виктория. Все остальные — через черный ход.

Анна и Ксения переглянулись. Тем временем батлер продолжал:

— Господин и госпожа Вадимовы приезжают завтра. К этому времени каждый из вас должен четко ознакомиться с инструкциями. Они должны стать вашей настольной Библией, и выучить их вы обязаны, как «Отче наш». Вам в помощь долгие ночи и маленькие перерывы во время дня. Сейчас Валентина Николаевна проведет вам детальную экскурсию по дому и пообщается с каждым в отдельности. Все предложения, жалобы, замечания, недовольства, а также просьбы по выходным высказываете исключительно мне и только мне. Надеюсь, мы с вами сработаемся. А сейчас каждый из вас может подойти и взять инструкцию.

Анна так же, как и все остальные, подошла за инструкцией, предназначенной исключительно для нее. На ней была следующая надпись: «Инструкция для штаффа. Второй департамент — housekeeping, горничная Анна Новикова».

Экскурсия по дому заняла порядка трех часов. Это был огромный дом, с кучей деталей, мелочей, мебели, картин.

«Не хватает псарни и конюшни, возрождающих традиции прогулок верхом и царской охоты. Хотя и этого добра имеется у элиты, благо ее нет у Вадимовых!» — подумала Анна.

Когда девушка осознала весь объем работы, который необходимо будет проделывать изо дня в день, у нее невольно подкосились ноги. И дело было не только и не столько в громадной площади, сколько в дорогих предметах интерьера, требующих аккуратного и бережного отношения, исключаящего риск повреждения. Попасть в кабалу девушке совсем не хотелось, учитывая, что такая вероятность присутствовала и была почти физически осязаема среди всей этой роскоши.

Во время детальной экскурсии по дому Валентина Николаевна успевала озвучивать некоторые особенности работы каждого департамента, что уже пролило ясность на некоторые нюансы. Например, Анна поняла, что наряду с Ксенией и Гулей должна отвечать за столовое серебро и состояние скатертей, хотя ранее предполагала, что это обязанность персонала по кухне.

Затем последовала работа с каждым департаментом, в том числе и некое тестирование

со стороны помощницы батлера относительно знаний об обязанностях каждого в отдельности. Брешь в знаниях Анны и Ксении возрастала с каждым новым вопросом, на который девушки просто не знали ответа, так как никогда не сталкивались с подобными функциями. Валентина окинула девушек неодобрительным взглядом, но продолжила экскурсию. Роза и Гуля, напротив, проявили поразительную осведомленность в таких нюансах, которые мог знать только человек, долгое время обслуживающий богатые дома.

Так прошел весь день: тестирование, практика с протиранием столового серебра, опять тестирование и напоследок инструкция перед сном.

Клюя носом от усталости, Анна все-таки прочитала несколько страниц и захлопнула ночное пособие. Сон сломил ее желание дальнейшего инструктажа, однако стук в дверь прервал дремоту Анны, и ей пришлось прогнать его остатки по дороге к двери.

— Прости, что так поздно. Просто хотела немного поболтать, — извиняющимся тоном сказала Ксения, стоя на пороге комнаты.

— Проходи. Ничего страшного.

Ксения огляделась по сторонам.

— У меня комнатка еще меньше. У тебя в сравнении с моей — королевская!

— Ничего себе! Может быть еще хуже в таком-то доме? — недоверчиво переспросила Анна.

— Чем богаче, тем скуперее — не зря же в народе так говорят, — с этими словами Ксения присела на стул рядом с кроватью. — Трудно нам придется в этом доме.

— Не очень-то оптимистично. Зря ты так сразу... может, не все так печально? — попыталась утешить девушку Анна, хотя у самой в душе давно начали скрестить кошки.

— Да ты только подумай, сколько здесь правил! В жизни столько инструкций не видела.

— Ну... — задумалась Анна. Этот вопрос не на шутку тревожил ее саму в течение всего дня.

— Это уже о многом говорит. И еще: тебе не кажется странным, что куда-то делась другая прислуга?

Анна задумалась. Действительно, до этой минуты она не озадачивалась этим вопросом.

— Вот-вот, и я о том же, — как будто прочитав ее мысли, высказала свои опасения Ксения.

— Наверное, это как-то объясняется.

— Ну, время покажет. Дай бог, чтобы они оказались нормальными. Собственно говоря, я пришла сказать тебе, чтобы мы держались вместе. Ты вроде как неплохая девушка, а здесь надо быть осторожней. Я в свое время со столькими интригами в домах соприкоснулась...

— Согласна. Без взаимовыручки очень сложно.

— Ок! Договорились, — Ксения улыбнулась и встала со своего места, протягивая Анне руку в знак солидарности и будущей дружбы.

— И еще: с Альбертом надо быть осторожней. От него многое в доме зависит, — подружески предупредила Ксения.

— Постараюсь.

— Кстати, говорят, он закончил какую-то крутую академию батлеров. Вот мода-то пошла — английский батлер. Своих управляющих им мало... хм... — недоумевала Ксения.

— Смотрю я на Альберта и вспоминаю сказку Пушкина «О попе и о его работнике Балде!» Лошадь запряжет, полосу вспашет. Печь затопит, все заготовит и закупит, — стала размышлять Анна.

— Ладно, пойду спать. Завтра будет тяжелый день. Спокойной ночи, напарница! — Ксения не обратила внимания на мысли Анны, а может, просто не поняла. Она кивнула ей на прощание и выскочила из комнаты, а девушка наконец выключила ночник, и паутина сна окутала ее с головы до ног.

— Альберт, я надеюсь, ты посвятил наших новых работников в традиции этого дома? — Юлиана Сергеевна внимательно осматривала свою новую прислугу. Осмотр этот напоминал времена существования рабовладельческих рынков, когда хозяин проверял даже состояние зубов, озадачиваясь вопросом: а нет ли среди них гнилых? То же самое чувствовала Анна и, пожалуй, весь штафф в целом. Выстроенные в ряд строгой линейкой, служащие мечтали обрести свободу и оказаться далеко от пронзительного взгляда работоторговца и покупателя в одном лице.

Ухоженная, статная, стильно одетая Юлиана являлась яркой представительницей рублевских жен. Неподалеку от нее расположились очаровательные детишки — Лиза и Даня, не менее стильные, чем их мама, и не менее красивые: светловолосые и голубоглазые. Они сидели на диване и играли с йоркширским терьером — еще одним атрибутом светской жизни.

В то время, пока Юлиана ощупывала штафф, глава дома Вадимов Константин Викторович с серьезным видом читал *Financial Times*, периодически отрываясь от чтения и переключая свой взгляд на персонал. Деловой, уверенный в себе и весьма импозантный мужчина выражал скорее равнодушие к происходящему, нежели активное участие или хотя бы малейшие признаки интереса. Глядя на прислугу, он как будто смотрел сквозь нее. Озадаченный другими мыслями, он периодически морщил лоб и нервно поглядывал на часы.

Тем временем Альберт поочередно называл хозяйке имена присутствующих представителей департаментов. Юлиана останавливала свой взгляд на каждом и молча кивала, пока батлер продолжал привычную переключку. Когда батлер произнес фамилию Анны Абашевой, Юлиана остановилась напротив девушки.

— Будьте любезны зачесывать свои волосы таким образом, чтобы ваши антенки не торчали во все стороны, — сделала ей замечание Юлиана.

Анна покраснела. Ее волнистый и густой волос не поддавался манипуляциям и категорически отказывался слушать хозяйку. Уже сегодня утром она осознала, что с волосом нужно что-то делать, но не придумала что, боясь опоздать на переключку.

— Альберт, подай мне через десять минут машину, — неожиданно заявил Вадимов после знакомства со всей прислугой.

— Ты уже уезжаешь? — Юлиана Сергеевна перевела свой взгляд на супруга, временно дав штаффу передышку.

— Да. Мне пора. А ты пока разбирайся ссс... — Константин Викторович осекся, видимо не зная, как правильно подобрать слова, чтобы обозначить статус прислуги, и только обвел рукой присутствующие департаменты.

Юлиана вновь перевела свой взгляд на персонал.

— Виктория, покормите детей и уложите их спать. Они очень утомились в дороге, — обратилась к гувернантке Юлиана. — Можете быть свободны, — спокойным, ровным тоном заявила хозяйка дома всем остальным.

Оставшись с супругом наедине, Юлиана поинтересовалась:

— Ты приедешь поужинать?

— Нет. В мое отсутствие накопилось очень много дел.

Женщина усмехнулась, но так, что Константин этого даже не заметил. Он подошел к жене, небрежно чмокнул ее в щечку и кинул на прощание:

— Буду поздно. До встречи!

— Пока, — едва слышно попрощалась Юлиана и вновь принялась за чтение своего любимого журнала Harper's Bazaar.

Держа в руках щетку из хвостика пони, Анна принялась протирать щели мебели в гостиной, расположенной на втором этаже особняка, в то время как Ксения чистила предметы интерьера, а Гуля мыла полы в комнатах. Каждый занимался своими делами, и каждый был погружен в свои мысли. В доме стояла полнейшая тишина: дети спали, Юлиана Сергеевна валялась на шезлонге возле бассейна, а Альберт занимался финансовой отчетностью у себя в кабинете.

— Как проходит работа? — нарушила тишину Валентина Николаевна, которая решила проверить горничных и застала их врасплох.

— Все хорошо! — хором отозвались девушки.

— Анна, надеюсь, вы не забываете обрабатывать мебель антистатическим средством, которое предотвратит оседание пыли.

— Конечно, нет. У меня все под рукой, — Анна продемонстрировала Валентине весь свой инвентарь, чем вызвала удовлетворительное выражение на лице последней.

— Ксения, чем вы протираете бронзу? — перевела свое внимание женщина.

— Фланелевой тканью.

— Надеюсь, без использования чистящих средств?

— Конечно, без.

— Через полчаса можете спуститься на ужин, — предупредила помощница батлера, продолжив свой путь надсмотрщика.

— Это же надо! Все время в спину дышит, как огнедышащий дракон, — возмущалась Ксения, как только Валентина скрылась из виду.

— Это ее работа.

— А по-моему, это ее хобби, которое доставляет ей удовольствие.

Анна не нашлась, что ответить, в глубине души соглашаясь с Ксенией. Вот уже несколько дней она преследовала стафф и, что бы ни делали его члены, совала свой нос во все мыслимое и неммыслимое, а неммыслимое — это кухня, в которой они не могли чувствовать себя свободно, будь то завтрак, обед или ужин. Помощница батлера следила за посудой, используемой прислугой, за ее мытьем и даже расстановкой. Посуда была подарена Юлианой и стоила немалых денег. Сделала она сей благородный жест нехотя, как пояснил ей шеф-повар Михаил, но другого выхода не было: это был эксклюзивный сервиз, две тарелки которого потрескались, а чашка разбилась вдребезги. О том, чтобы подобрать к нему похожие запчасти или использовать неполный сервиз, не могло быть и речи. «Такого они себе не позволяют. Ведь это моветон!» — усмехался Михаил.

Так вот — Валентина Николаевна считала своим долгом пристально следить за всем, что было связано с переданными на хранение остатками роскоши, в том числе за их бережным хранением и транспортировкой.

— Иди ужинать первой. Я еще поработаю, — предложила Ксения Анне.

— Хорошо. — Анна вымыла щетку, убрала за собой все принадлежности для мытья мебели и направилась на кухню.

Дойдя до кухни, Анна постучала:

— Можно?

— Да! — донесся голос Михаила.

Девушка зашла на кухню и замерла у дверей. За столом уже ужинали Виктория и Роза. Люба и Михаил, склонившись над книгой рецептов, что-то бурно обсуждали.

Оказывается, правило, согласно которому прежде, чем войти, надо стучать, распространялось и на кухонное царство Михаила Гришина, в котором он был царем, а все остальные — его гостями. Даже всемогущий батлер не имел права голоса там, где орудовал сам Гришин. У Михаила была огромная нагрузка: ему всегда нужно было готовить в точно назначенное время и определенное количество еды, соответствующее рецепту и ожиданиям тех, кому она предназначалась. Ну, а самое сложное — это приемы и деловые фэйф-о-клоки, которые частенько проходили в семье Вадимовых и требовали участия абсолютно всей прислуги.

Анна оглянулась — кухня Гришина, как ее в шутку называл штафф, всегда содержалась в кристальной чистоте. От этого периметра напрямую зависело качество пищи. Даже лучшая продукция, пролежав в помещении, которое не отличалось бы нужной чистотой, могла испортиться. Гришин трепетно и с некоторой долей остервенения защищал свою территорию, заставлял всех вокруг соблюдать ее законы. Именно поэтому весь штафф после завтрака, обеда и ужина заметал малейшие следы пребывания в священном для Гришина месте.

Стандартный кухонный стол, за которым орудовал Михаил, был похож на операционный блок, с нереально стерильной чистотой и наличием точных приборов в виде часов и весов. Ведь если Гришин не подготовит мясо в нужное время и в нужном количестве, то 150 других блюд не смогут быть приготовленными вовремя. Актуальность и точность действий были непременным условием работы кухни, впрочем, как и общение, ведь без общения на кухне не выжить и очень важно, чтобы рядом был тот, кто говорит важные и предостерегающие реплики: «Шеф, осторожно, шкаф!», «Позади официант!», «Острый нож слева», «Сковородка справа», «Готовность мяса — пятнадцать минут» и так далее. Для Гришина этим кем-то на протяжении нескольких лет являлась Люба.

— Ну, что стоишь? Проходи, мой руки — и за стол, — скомандовал Михаил, заметив в дверях растерянную девушку.

Анна послушно вымыла руки, вытерла их салфеткой и подошла к столу, на котором дымился вкусный ужин. Налив себе горячего супчика, девушка присела за общий стол.

— Всем приятного аппетита!

— Спасибо, — поблагодарили женщины, покосившись друг на друга.

Ужин прошел в каком-то неловком молчании. Каждый был погружен в свои мысли, лишь Михаил и Люба время от времени нарушали общую тишину, продумывая завтрашний ужин.

— Анна, так как вы здесь новенькая, хочу предупредить, чтобы вы не забывали оставлять в моей комнате по вечерам несколько бутылок воды Ev. И когда я нахожусь за хозяйским столом, подавайте мне только эту воду, — гордо закончила Виктория, подчеркнув свой особенный статус в штаффе.

— Я вас поняла.

Анна съежилась, почувствовав исходящий от сидящих напротив женщин холод. Энергетическое поле Анны не воспринимало Викторию и Розу, воздвигая невидимый барьер. Их поля как будто негласно объявили друг другу войну, правила которой каждая из

сторон устанавливала самостоятельно.

— Анна, а Валентина предупредила вас о завтрашнем ужине? — поинтересовался Михаил у девушки.

Анна ушла в свои мысли, не сразу сообразив, что вопрос был адресован именно ей. Виктория и Роза захихикали, когда Михаил повторил свой вопрос. Уловив их взгляд, Анна растерянно обернулась к Михаилу.

— Простите, вы что-то сказали?

— Я спросил, предупредила ли вас Валентина о завтрашнем ужине?

— Пока нет.

— Тогда имейте в виду, что завтра потребуется ваша помощь.

— Хорошо, — согласно кивнула девушка.

Михаил вновь уткнулся в книгу, слушая комментарии Любы. Анна продолжила свой ужин, периодически поглядывая на часы и не забывая, что ей отведено ровно полчаса. Валентина предупредила девушек, что сегодня Юлиана Сергеевна будет ужинать одна и их помощь в прислуживании за столом не понадобится, так как достаточно будет одной Гули. Девушка подумала о том, как нелепо будет выглядеть этот ужин за огромным длинным столом, за которым будет восседать лишь Юлиана. Впрочем, даже присутствие всей семьи не меняло общего впечатления королевской трапезы супругов, разделенных длинным столом, затрудняющим не только беседу, но и возможность разглядеть друг друга за разнообразными лакомствами.

Как только Анна расправилась со вторым блюдом, она встала из-за стола, подошла к раковине и стала мыть посуду, в очередной раз поразившись кристальной чистоте и мерам безопасности вокруг себя. На столах не было ничего острого, стеклянного, опасного, и даже кран, оборудованный резиновыми защитными кружочками, предотвращал случаи, при которых кромка стакана при полоскании могла разбиться. Все в этом доме было продумано до мелочей.

Закончив с мытьем посуды, девушка буквально выскочила из кухни под пронзительными взглядами Виктории и Розы.

Чуть позже, закончив большую часть работы, весь штафф собрался в кабинете батлера за порцией очередных распоряжений по планируемому ужину на двадцать персон.

— Отварных раков мы подаем только на круглых блюдах! При этом не забывайте положить на стол закусочную тарелку и специальный прибор. Справа на маленькую тарелку — влажную салфетку для вытирания пальцев. Понимаю, что повторяюсь, но помнится мне, как когда-то в Англии я работал в доме чиновника. Кто-то из прислуги забыл положить влажную салфетку одному из гостей, и он жирными пальцами оставил на одежде пятно. На дорогой одежде... Прислуга была уволена. Казалось бы — мелочь! Но в нашем деле важны детали, не так ли, Абашева? — Альберт красноречиво посмотрел на Анну, вспоминая их первый разговор.

Девушка кивнула, и мимолетная улыбка тронула ее губы. Тогда она не понимала, понравился ли ему ее ответ, теперь все встало на свои места. Первое и самое главное правило прислуги — внимательность к деталям.

— Как только вы разложите еду и наполните бокалы, вам необходимо отойти от стола, например, к рабочей тумбе, и оттуда наблюдать за всеми столиками своего участка обслуживания, чтобы в случае необходимости немедленно прийти на помощь гостю. Вы не должны быть назойливы, но обязаны быть внимательны. Завтра будет очень трудный день, и я

попрошу всех вас отнестись к нему как к экзамену. Если вы пройдете этот путь — значит, вы почти готовы к более сложным задачам. Понимаю, что у вас было слишком мало времени, чтобы вникнуть в нюансы обслуживания, но надеюсь, что мои рекомендации и советы вам все-таки помогут, — убедительно закончил свою речь Альберт.

— Анна и Ксения с утра могут приступить к подготовке гостевых комнат, а Гуля и Роза в первой половине дня будут прислуживать за завтраком и помогать на кухне. — Валентина решила внести свою лепту в раздачу распоряжений. — Кстати, к Юлиане Сергеевне приехала ее мама — Антонина Юрьевна. Она погостит здесь некоторое время. Прошу вас иметь это в виду и каждодневно проверять ее комнату на втором этаже, рядом с комнатой Лизы, — предупредила стафф Валентина.

Девушки молча кивнули.

— И помните, во время обслуживания вы — призраки! Вас как будто нет, и в то же время вы видите все, вы предугадываете малейшие желания, вы читаете мысли гостей! В идеале гость не должен заметить, что ему оказана та или иная услуга. Самое идеальное обслуживание — это незаметное обслуживание. — Напоследок батлер обвел взглядом окружающих, как будто заглядывая каждому из них в душу, полную сомнений и негодования столь призрачной жизнью.

Уже ночью, перед тем как погрузиться в беспробудный сон, Анна подумала о том, что завтра им предстоит аналогичная работа и даже большая. Впрочем, как заметил Альберт, работа в этом доме никогда и не заканчивается.

Анна и Ксения начали свой день с гостевых комнат. В первую очередь они провели влажную уборку, после которой в комнату внесли цветочные композиции, сделанные флористами. Девушки предусмотрели все, что могло понадобится гостям: газированную и негазированную воду, стаканы, фрукты, одежду, щетку для волос, будильник, халаты, полотенца и прочие необходимые принадлежности.

Завершая последние штрихи, девушки вымыли бары, поставили напитки, откололи лед и заложили в холодильники.

После того как в гостевых комнатах был наведен порядок, Анна отправилась на кухню помогать Гуле, не успевающей прислуживать за столом во время обеда. Люба с Михаилом были заняты блюдами, Роза помогала Валентине расставлять цветы, а Ксения с Альбертом отбирали вина.

Во время обслуживания за столом Анна мельком бросила взгляд на мать Юлианы, которая выглядела безупречно, несмотря на свой преклонный возраст, и по элегантности ничуть не уступала своей дочери. Константин Викторович сидел напротив супруги во главе стола и читал газету. Дети сидели по обе руки от Виктории, которая следила за тем, чтобы все необходимое было съедено.

— Дорогой, а Егор и Ангелина приедут сегодня к нам? — обратилась Юлиана к супругу, прервав свое щебетание с матерью.

Анна напрягла память, пытаясь вспомнить, кто такие Егор и Ангелина. Эти имена она как-то вскользь слышала от Альберта.

— Нет, но они обещали приехать на день рождение Дани и Лизы. Тогда и погостят у нас некоторое время.

Анна заметила, что в этот момент лицо Юлианы перекосилось, но лишь на мгновение. Она вновь приняла холоднокровное выражение и продолжила прерванный разговор с матерью.

— А красавчик Орлов до сих пор не женат? — поинтересовалась Антонина у дочери.

— Пока нет. Маша и Света пытаются обратить на себя его внимание, но безрезультатно.

— У Влада другой вкус, при всем моем уважении к твоим подругам, — заметил

Константин Викторович, оторвавшись от чтения газеты.

Юлиана метнула на супруга недовольный взгляд, но промолчала.

В этот момент Даня стал ерзать на стуле и кричать:

— Не хочу я это есть!

— Даня, ну пожалуйста, одну ложечку... — умоляла Виктория.

— Я сказал нет! И точка! — скомандовал Даня.

— Если не съешь — не получишь десерт!

— Я сказал нет! Ты глухая?

— Даня, как ты разговариваешь с Викторией? — пожурила сына Юлиана.

— Оставьте парня в покое. Пусть ест, что хочет, — вставил свое слово Константин.

— Дети, можете идти поиграть, — разрешила Юлиана. — А вы, Виктория, останьтесь.

— Мама, а ты не пойдешь с нами? — с надеждой спросила Лиза.

— Маме некогда.

Как только дети убежали во двор, Юлиана обернулась к Виктории.

— Я не хотела делать вам замечание при детях — нужно поддерживать ваш авторитет.

Но на будущее имейте в виду: если дети не хотят что-то есть — не заставляйте их прилюдно.

Терпеть не могу, когда они визжат.

— Но я... — попыталась оправдаться Виктория.

— Не надо оправданий. И еще: у вас слишком откровенное декольте для гувернантки моих детей. Надеюсь, завтра вы пересмотрите свой гардероб. Можете идти.

Виктория встала из-за стола и направилась в сторону сада, не успев толком позавтракать. Анна была поражена увиденной сценой: поникшая Виктория, безразличный Константин, избалованный Даня и холодная Юлиана. Видимо, все эти эмоции невольно отразились на ее лице, и она застыла с графином в руках. Юлиана взглянула на остолбеневшую девушку недовольным взглядом:

— Поставьте графин. И не смотреть на меня так пристально! Это по меньшей мере неприлично. Надеюсь, вы не позволите себе вот так разглядывать моих гостей за ужином.

— Простите, — сказала девушка, поставив на стол графин.

Женщины продолжили беседу как ни в чем не бывало.

— У моей знакомой няня то ли армянка, то ли грузинка. Очень уютная и домовитая женщина, балует детей, льстит им: «Миша, красавчик, не щипай котенка», «Кристинка, красавица, я тебе шоколадку сейчас дам». Прямо прелесть. Но по-русски говорит плохо, да и менталитет другой, а это большой минус для гувернантки. Чему она их научит? Саму учить надо, — так непринужденно Юлиана рассказывала о нянях своих подруг, перечисляя их достоинства и недостатки, забывая, что сейчас ее обслуживала девушка с тем самым другим менталитетом.

Гуля кинула быстрый взгляд на Анну и опустила глаза, продолжая разливать морс, но Анна успела заметить промелькнувшую в этих раскосых глазах обиду. Это как в старые времена в Америке, когда чиновников и даже самого президента обслуживали чернокожие, а они при них же обсуждали жестокую политику насилия над нигерами, как они их унижительно называли и одобрительно при этом кивали.

В это время Константин позвонил в звоночек, и тут же перед ним возник незаменимый

Альберт.

— Водители готовы?

— Да. Отчет о пробках по дороге я им передал, схему проезда скинул. Ваши распоряжения объяснил.

— Одежда? — не отрывая взгляда от газеты, спросил Константин.

— Одежда готова и упакована. Я положил несколько вариантов галстуков, на случай, если вам не понравится сделанный мною выбор.

— Часы?

— Я их почистил. Они на тумбочке в вашей комнате.

Анна в очередной раз поразилась подготовке Альберта. Батлер должен был знать и уметь делать множество мелочей, на случай, если кого-то из слуг придется заменить, а возможно, и весь штат. Некоторые работодатели часто бывали недовольны персоналом, которому приходилось по нескольку раз повторять одни и те же распоряжения. Батлер умел передавать распоряжения хозяина так, чтобы штафф все понял и у него не возникло даже мысли переспрашивать. Идеальный батлер — это такой батлер, при котором работодатель не замечает, как и что происходит в его доме. Альберт мог не только раздавать команды, но и выполнять те же самые поручения, которые отдавал другим. Он знал все про еду, одежду, машины, аксессуары — другими словами, он был тем самым батлером, про которого обычно говорят: «Двадцать в одном».

— Спасибо. Ну, тогда я поехал. Позвольте откланяться, милые дамы, — складывая газету, стал прощаться Константин.

— Что это, черт возьми? — Константин взглянул на свои пальцы, которые были перепачканы типографической краской.

— Я все прогладил. Возможно, сделал это не очень хорошо. Простите мою оплошность, — извинился Альберт.

Некоторые обязанности батлеров со временем устарели, но держались благодаря традициям, как в случае с Альбертом, продолжающим проглаживать газету утюгом, прежде чем подавать ее хозяину.

— В следующий раз будьте внимательнее, — вставая из-за стола, продолжал бурчать мужчина.

— Еще раз приношу свои извинения.

— Дорогой, я думаю, Альберт все сделал безукоризненно, — вставила Юлиана, давая понять своим тоном и видом, что лучше перестать прилюдно делать замечания Смиуту. Авторитет батлера, как ей объяснила Ксения, — это самое главное, ведь он — управляющий всем и вся, и мудрые хозяева никогда не станут спорить, делать замечания или выражать свое неудовольствие при других подчиненных.

— Ладно. Всем до вечера! — попрощался Константин.

— Пока, дорогой!

— До вечера! — подхватила Антонина Юрьевна.

Инцидент за завтраком позволил Анне понять некоторые моменты в отношении к прислуге со стороны Вадимовых, что отнюдь ее не утешало, ведь неизвестно, сколько еще таких моментов откроется в процессе работы в этом доме. Даже разговаривая с прислугой, Вадимовы смотрели мимо нее. Однако, отогнав неприятные мысли, девушка продолжила работу, отложив свой анализ на потом.

Виктория гуляла с детьми в саду, Роза занималась гардеробом в комнате Юлианы,

Максим с двумя охранниками под руководством Альберта таскали ящики с винами из погреба, а Анна вышла во двор, чтобы подмести мусор, образовавшийся от опавших цветов, занесенных флористами. За смену она могла так набегаться, что ей не нужен был никакой фитнес. Вот и сейчас, преодолевая высокое крыльцо в доме, девушка начала тяжело дышать. «А что же будет зимой? Так и голову можно разбить», — рассуждала она, не заметив позади себя детей, которые вихрем пронесли мимо нее, чуть не столкнув с высокого крыльца. Однако печальная участь постигла ведро с его содержимым, которое она собирала почти два часа. Сорванцы, увидев полное ведро мусора, специально столкнули его с лестницы. Этот неприятный инцидент заметила Виктория, еле поспевавшая за детьми, и Юлиана с Антониной Юрьевной, вышедшие во двор проследить за работой садовника.

— Вам нужно быть внимательнее, особенно когда поблизости шалют дети. Придется все заново собирать, — с недовольной гримасой заметила Юлиана, в очередной раз поразив Анну.

— Поторапливайтесь. У нас и так слишком мало рабочих рук, — добавила Антонина Юрьевна, проходя мимо девушки.

Анна от злости сжала кулаки, но, преодолев свое возмущение, вновь стала собирать разбросанный мусор. Виктория прошла мимо, не сказав ни слова, а лишь пожав плечами. Глядя на удаляющуюся Викторию, Анну почувствовала волну негодования и побежала вслед за гувернанткой.

— Виктория, подождите! — крикнула ей вдогонку Анна.

Женщина развернулась и вопросительно взглянула на Анну.

— Скажите, а в таких случаях вы делаете замечание своим подопечным? Ну, например, чтобы они уважали чужой труд и так себя не вели? Вроде как в этом заключается ваша обязанность? — не сдержалась Анна.

— Это вы мне? — от таких напористых вопросов Виктория даже опешила. Она смотрела на Анну и хлопала длинными накладными ресничками, всем своим видом показывая полное недоумение.

— По-моему, здесь больше никого нет, — Анна стала иронически оглядываться по сторонам.

— А по-моему, вас это не касается! Давать мне рекомендации по поводу моих подопечных — не ваша обязанность! — придя в себя, отпарировала Виктория.

— Видимо, вы плохо выполняете свою обязанность, — напоследок кинула ей Анна и ушла, оставив гувернантку в праведном гневе, от которого та пылала еще целый день.

К обеду началась настоящая суматоха. Приехали два дополнительно нанятых официанта, гардеробщик, камердинер, флорист и посудомойка. Основная часть суматохи пришлась на зал, в котором должен был проходить ужин. Альберт руководил домашним штафом так, как если бы была подготовка к незамедлительным военным действиям. Он лично достал из погреба необходимые напитки, проверил столовое серебро, поставил карточки для рассадки гостей и меню напротив каждого места, проследил за расстановкой стульев и сервировкой стола, которая вымотала всех девушек. Никогда прежде не готовившаяся к званым ужинам такого рода, Анна толком и не умела сервировать столы. Девушка внимательно слушала Ксению и овладевала искусством сервировки на практике.

— Приборы должны отстоять от тарелки на расстоянии, равном ногтю большого пальца, и лежать ровно, — объясняла Ксения.

Гуля, более опытная в этом деле, так как ранее тоже работала на VIP, четко и быстро

сервировала свою территорию.

— Фужеры ставят по диагонали, справа от наибольшего ножа, в порядке, в котором они будут использованы, — продолжала Ксения.

— Кстати, а кто такие Егор и Ангелина? О них говорили за столом? — шепотом поинтересовалась у Ксении Анна.

— Это дети Константина Викторовича от первого брака.

— Аааа, — только и вымолвила Анна, на какое-то время забыв о своих обязанностях и погрузившись в раздумья.

— Девушки, поторапливайтесь, — периодически торопила их Валентина, поглядывая на часы, пока Альберт разбирался с поставщиками.

— Твоя зона левая. Начни сортировать ее, — указала Ксения на ее территорию.

Анна стала аккуратно сервировать стол, вспоминая все, что видела и что ей говорил Альберт, Ксения и Гуля. В тот момент, когда девушка заканчивала сервировку, ее позвала Валентина, и девушка отправилась на кухню, не заметив находившейся неподалеку Виктории.

Чинно выстроившись в ряд в зале для приема, домашний штафф слушал расхаживающегося взад и вперед Альберта:

— Кто сервировал вон ту левую дальнюю сторону стола? — батлер указал в нужном направлении, и все разом повернули головы на точку, отмеченную Альбертом.

Анна вышла вперед.

— Я, — робко призналась девушка.

Альберт остановился и уставился на девушку.

— Абашева, вы меня удивляете! Вы сами упоминаете о деталях! Если я говорю, что вилка должна находиться в 20 см от тарелки, значит, она должна находиться в 20 см от тарелки! Если я говорю, что стул должен стоять под углом 90 градусов к столу, значит, он должен всегда стоять под углом 90 градусов к столу! Если я говорю, что края скатерти должны свешиваться со стола на 35 см, то они должны свешиваться на 35 см — не больше и не меньше! Почему вы не слушаете меня?

Анна растерялась, не понимая, в чем причина такого гнева.

— Господин Смит, что я сделала не так?

— Все за мной.

Анна, Гуля, Роза и Ксения пошли вслед за Альбертом.

Дойдя до зоны Анны, батлер ткнул пальцем на тот участок, в котором несколько тарелок по отношению к приборам действительно стояли далеко, намного дальше 20 см.

— Тарелки с приборами, госпожа Абашева, всегда должны стоять строго в ряд, строго по сантиметрам, в одну линейку, без погрешностей.

— Я не понимаю, в чем дело. Я все поставила правильно и четко, правда! — воскликнула девушка.

— Я тоже видела, как Анна сервировала. Все было правильно! — попыталась заступиться за подругу Ксения.

— Я не давал вам слово, — батлер с раздражением посмотрел на Ксению.

— Много лет назад я работал на кухне в ресторане со звездой Мишлен. Как-то шеф поручил мне нарезать спаржу по диагонали ломтиками толщиной 2 сантиметра. Поначалу я нарезал правильно, но в какой-то момент по невнимательности сделал 3 сантиметра. Когда понял, исправлять не стал: «Подумаешь, — сказал я, — один сантиметр!» Так я несколько

раз нарезал лишних сантиметров, и знаете, что было потом?

Стафф молчал, предугадывая.

— В какой-то момент я осознал, что несколько дней подряд шеф дает мне нарезать только спаржу. Я поднял на него глаза и замер, а он посмотрел на меня и сказал: «Всю спаржу, которую ты мне передавал, я выкидывал. Я ждал несколько дней, надеясь, что ты осознаешь, как важен этот сантиметр... Теперь ты уволен, Смит!»

Он уволил меня из-за погрешности в один сантиметр, — продолжал свой рассказ батлер. — Так как вы думаете, Абашева, что сделал бы этот шеф-повар на моем месте сейчас?

— Он дал бы мне несколько дней.

Батлер, расхаживающий по залу, неожиданно остановился. Тень улыбки мелькнула на его суровом лице.

— Больше никаких погрешностей, Абашева! Отныне ваш девиз: «Четко. Точно. Всегда».

— Как скажете, — склонив голову, ответила Анна, хотя в глубине души роптала на несправедливый выговор. Она была уверена, что все сделала правильно.

— Гостевые комнаты прибраны, подсвечники и светильники почищены, бар наполнен, камердинеры, сомелье и официанты готовы. Так... так... так... Униформу надеваем за час до приезда гостей... — Альберт замолчал и вновь погрузился в раздумья, пытаясь вспомнить, что он забыл учесть.

Подойдя к столу и открыв свои записи, батлер стал еще раз тщательно их просматривать.

Тем временем домашний штафф продолжал хранить молчание, ожидая дальнейших распоряжений.

— Организовать мойку машин некоторых гостей... Проверить устрицы... Люба, вы с Михаилом проверяли устрицы? — батлер оторвался от просмотра и взглянул на помощницу Михаила.

— Да. Они очень свежие.

— Не бывает очень свежих, — заметил батлер и вновь уткнулся в записи. — Надеюсь, вы все изучили правила подачи напитков?

Стафф кивнул.

— Абашева, что мы подаем после говядины?

— Шато-лафит, портер, медок.

— Достаточно! — остановил ее Альберт и удовлетворительно кивнул.

— Гульнара, что мы подаем после рыбных блюд?

— Макон, нюи, пети-виолет.

— Вроде все предусмотрел, — про себя отрапортовал Альберт. — Не забывайте, что обслуживание начинаем с почетных гостей, затем последовательно обслуживаем остальных в направлении против часовой стрелки и в последнюю очередь Константина Викторовича и Юлиану Сергеевну. Если гость заказал альтернативную еду, обслужите его в порядке очередности. Если же кто-то из гостей хочет пропустить блюдо, то двигайтесь дальше.

— А если гость не замечает принесенного подноса и продолжает разговаривать, что делать? Могу ли я прервать разговор? — неожиданно для самой себя спросила Анна, чем поразила самого батлера, на лице которого отразилось крайнее удивление.

— Анна, а вы молодец. Совершенно точный вопрос. Отвечаю: если гость не замечает принесенного подноса, осторожно наклонитесь к нему, извинитесь и спросите, не желает ли он отведать блюдо. Надеюсь, всем все ясно?

Домашний стафф покорно кивнул, вновь напомнив Анне рынок с рабами, готовых покорно кивать покупающим их хозяевам, лишь бы вновь не оказаться на невольничьем рынке.

Перед тем, как выйти из зала, Гуля осторожно подошла к Анне и, наклонившись, прошептала:

— Наверное, это сделала Виктория. Когда тебя позвала Валентина, она подошла к твоей зоне и какое-то время крутилась возле нее.

Анна сжала губы от досады на Гулю, потому что та промолчала, и злости на Викторию, в выходке которой она теперь не сомневалась.

— Почему же ты промолчала? — негодуяще заметила Анна.

— Я не могу быть уверена... Это только предположение, — испугано зашептала Гуля.

Анна вздохнула. Девушка была очень скромной, тихой и безобидной. Злиться на нее Анна не могла.

— Ладно, проехали...

— Прости, — пролепетала Юсупова и, развернувшись, неуверенно зашагала прочь, как будто боясь собственной тени...

Дом Вадимовых начал понемногу наполняться. К особняку подъезжали самые дорогие автомобили: роллс-ройсы, бентли, феррари, ламборджини и другие. Выстроившиеся в ряд нанятые водители тут же подходили к автомобилям и парковали их на заранее отведенные места.

Анна и Ксения, находящиеся в этот момент на втором этаже дома, выглянули в окно и ахнули: ухоженные, элегантные, роскошные женщины, одетые в не менее роскошные вечерние платья, мужчины в стильных и дорогих костюмах, под стать своим избранницам, их детки, такие же модные, как и родители, ну и, конечно, шествовавшие за ними няньки, замыкающие круг и дополняющие общую картину российского бомонда.

Альберт при полном параде — в черном фраке, белой рубашке и бабочке — торжественно встречал гостей у входа, принимая пригласительные открытки и передавая последующую опеку над гостями камердинерам. Те провожали гостей в салон, откуда желающие могли пройти в галерею и насладиться видом произведений изобразительного искусства — приобщиться, так сказать, к пище духовной.

Хозяйка и хозяин дома радушно принимали гостей, обмениваясь улыбками, рукопожатиями и легкими искусственными поцелуйчиками в воздух, сопровождая свои приветствия краткими комментариями и восторженными комплиментами относительно внешнего вида гостя и его спутника.

После увиденного великолепия нарядов Анна невольно посмотрела на свое отражение в зеркале: черная юбка ниже колен, белая рубашка, фартук и волосы в пучке. Как всегда, неприметно, просто и жизнеутверждающе.

Пока Анна критиковала свое отражение, салон понемногу стал наполняться гостями. Одни официанты принимали заказы на напитки, другие подносили канапе. Женщины и мужчины вели оживленную беседу, стараясь по-светски не спорить слишком шумно и не смеяться слишком громко. Юлиана постаралась, чтобы в салоне сошлись люди самых разных взглядов и убеждений, начиная от государственных мужей и заканчивая известными блогерами и писателями, как в старые дворянские времена. Ведь тогда умение соединять в своей гостиной людей разных взглядов свидетельствовало об искусности хозяйки салона.

Тем временем Виктория, так же как и остальные гости, находилась в салоне,

приглядывая за детьми, которые так и норовили что-то разбить вместе с другими отпрысками богатых родителей.

В коктейльном платье и с красивой прической Виктория выглядела замечательно. Это была ее привилегия — привилегия гувернантки детей, которой позволялось находиться среди гостей, садиться с хозяевами за один стол и не пачкать свои руки пыльной работой. Чувствовала она себя не очень комфортно, но старалась держаться гордо. Позже к ней присоединились две другие гувернантки, прибывшие вместе со своими воспитанниками. Видимо, почувствовав облегчение оттого, что участь гувернантки можно разделить с другими, она стала вести себя более уверенно.

Однако на мероприятиях, где присутствовали дети и их гувернантки, предусматривался дополнительный банкетный зал, в котором они были почетными гостями и обслуживались за столом ничуть не хуже, чем их хозяева, с той лишь разницей, что столы были расположены в разных залах и спиртное употреблять им не разрешалось. Но самое главное — им не разрешалось расслабиться, ведь к их основным почетным обязанностям на званом ужине добавлялись другие, менее почетные — ни в коем случае не допускать детей к столу, за которым сидят родители, пресекать любые попытки облить, испачкать или не дай бог ударить столь же ценного золотого чада, коим являлся и их подопечный. Примечательно, что сорванцов было не так много, как тех, кто подражал манерам родителей и даже различал кое-какие известные бренды. Они мало напоминали детей, а больше походили на взрослых, сдерживая эмоции, не повышая голоса, следя за каждым своим движением. Они были вежливы, но уже так надменны!

Проходя мимо салона, Анна столкнулась с представительницей неправильных детей, которая стояла возле огромного торта и внимательно его разглядывала. Анна улыбнулась и подошла к девочке.

— Ты, наверное, хочешь его попробовать? Правда, он выглядит очень аппетитно?

Девочка вздрогнула и обернулась на Анну, окинув ее отнюдь не детским взглядом, задерживая его на штаффовской униформе.

— Я просто люблюсь...

— И не будешь пробовать?

Девочка замолчала, раздумывая, как бы правильно ответить.

— Простите, а как я могу к вам обратиться?

У Анны отвисла челюсть.

— Меня зовут Анна, — представилась девушка.

— Мисс Анна, вы задаете неправильные вопросы. Я уже не маленький ребенок и прекрасно осознаю, что торт — это отравка для организма, поэтому я предпочитаю что-то более полезное. Кажется, меня зовет мама. Я вас оставляю.

«Ничего себе! Я как будто попала в дом какого-нибудь королевского семейства, в котором даже дети говорят так высокопарно!» — поразила Анна.

— Наверняка она учится в какой-нибудь частной британской школе, — смеясь, заметила проходившая мимо Гуля, слышавшая весь диалог.

— Даже не сомневаюсь.

Гуля направилась в сторону зала, а Анна продолжила свой путь к кухне.

Проходя длинный коридор, девушка несколько раз чуть не столкнулась с официантами, которые спешили в салон с подносами, не замечая никого вокруг.

— Простите, а вы не подскажете, где уборная? — неожиданный вопрос застал Анну

врасплох.

Девушка обернулась и увидела невысокого роста, упитанную, раскрасневшуюся женщину, которая периодически подносила к лицу платок, чтобы вытереть капающий пот.

— Пойдемте, я вас провожу, — предложила Анна.

— Ой, буду вам очень признательна, — поблагодарила женщина. — Мне срочно нужно принять душ — не могу подходить к детям в таком виде, а хозяйка ругается, мол, я развожу микробы, заставляет постоянно принимать душ, полоскать горло трехпроцентным раствором перекиси водорода, надевать медицинский халат и маску. Благо сюда не приказала надеть, выглядела бы нелепо... Вот если бы она сама смотрела за своими малышами, я бы посмотрела, как бы она не потела... Обливалась бы... — тараторила по дороге няня малышей, высказывая накопившиеся обиды.

— Как это — заставляет полоскать рот и надевать маску? — удивлению Анны не было предела.

— А вот так! У них свои причуды! Да и люди они, известные на всю страну! Порой смотрю, как дети спят, едят, играют, гуляют и думаю: «Не дай бог с ними что-то случится в этот момент — придется тогда перед всей страной отвечать», — продолжала сетовать на свое положение собеседница Анны.

— Да, тяжело вам... — заметила Анна и остановилась перед уборной.

— Проходите. Там есть все необходимое.

— Огромное вам спасибо! — от души поблагодарила женщина и скрылась за дверями.

Задумавшись, Анна продолжила свой путь на кухню. Услышанное произвело на нее неприятное впечатление.

На кухне кипела своя жизнь — жизнь за кадром, в которой создавалось, укладывалось, украшалось все, что попадало в руки ваятеля Михаила и его помощницы Любы. Словно роботы, они делали свою работу безукоризненно и четко.

— Анна, mon chéri, хватайте поднос и бегите, как Лола из фильма, — дал в шутливой форме распоряжение Михаил.

Анна улыбнулась, поразившись его чувству юмора, которое не покидало его и во время такого аврала.

— Только смотрите осторожнее, не натолкнитесь на других Лол, — подхватила Люба.

— Ок! — Анна взяла поднос и, выйдя, осторожно пошла по коридору, пытаясь избежать столкновения со встречающими официантами. Околокухонная территория была похожа на зону боевых действий, где генералом был Михаил, а все остальные — его подчиненными, солдатами-новобранцами.

Когда девушка зашла в зал для торжественного ужина, стол был уже почти накрыт и ломился от всевозможных кулинарных изысков. Положив поднос, Анна услышала голос Альберта, доносящийся из салона:

— Леди и джентльмены, прошу всех к столу!

Четверо официантов встали у входа в зал, чтобы собирать бокалы из-под вина, высвобождая гостей от необходимости шествовать с напитками в руках. Они стали медленно продвигаться к столу, продолжая непринужденную беседу. По мере того, как присутствующие рассаживались по своим местам, Альберт потихоньку начал убирать рассадочные карточки, используемые как указатели мест для гостей за столом. По правилам этикета при рассадке ближайшие места к хозяину и к хозяйке считались самыми почетными. Первыми по правую и левую руки от хозяина определяли женщин, от хозяйки — мужчин. Затем места

чередовались: рядом с женщиной сажали мужчину и наоборот. Женщина не должна была находиться рядом с женщиной, а муж — с женой.

— Дорогие гости, прошу вас подождать еще пять минут, прежде чем мы поднимем первый тост. Мой друг и партнер Влад Орлов уже на подъезде! — попросил Константин присутствующих, занимая почетное место за столом.

Гости зашептались.

— Орлов, как всегда, привлекает к себе всеобщее внимание, даже своим отсутствием, — заметил кто-то из присутствующих мужчин.

Женщины зашебетали:

— Такова его суть.

Официанты, Ксения, Гуля и Анна, стоя с подносами, ожидали знака от батлера, чтобы начать разносить основное блюдо.

В этот момент в зал зашел долгожданный Орлов, что вызвало легкий переполох среди дам. Орлов был очень красивым мужчиной: черноволосый, кареглазый, импозантный, элегантный, он притягивал взгляды окружающих еще и своей брутальностью, которая ассоциировалась с властью, силой и жесткостью.

Анна напряглась, словно натянутая тетива, впечатленная внешностью Орлова. Никогда прежде она не видела мужчин, подобных ему, и никогда прежде она не чувствовала себя такой далекой от мира Орлова и ему подобных и такой ничтожной по сравнению с окружающими ее женщинами. Она вспомнила свои собственные первые впечатления, когда она только-только попала в дом к Вадимовым. Тогда она подумала, как нелепо она выглядит среди всей этой роскоши. Но при виде Орлова это чувство обострилось вдвойне. Она поняла всех собравшихся женщин, переполошившихся при виде Влада, — он был достойной добычей.

— Господа, всем добрый вечер и простите за опоздание! — входя, произнес Влад.

— Влад, ты, как всегда, пользуешься своими привилегиями! — вставая, произнес Константин, приветствуя друга.

— И благосклонностью женщин, — добавила Юлиана, целуя мужчину в щеку. — Присаживайся.

Как только Орлов сел на место почетного гостя, Альберт дал знак своим подопечным, чтобы они подносили блюда. На ужине все блюда подавались с рук, в обнос. Напитки наливались в определенной последовательности с учетом запросов гостей и подаваемых блюд. Когда ставились порционные блюда, Анна, Гуля, Ксения и официанты подходили к гостям с правой стороны и наливали напитки, заодно убирая использованные тарелки. Однако, подавая яства, они должны были подходить к каждому из присутствующих с левой стороны. Анне было тяжело запоминать все эти комбинации, и она два раза допустила ошибку, обслуживая гостей, что было отмечено недовольным взглядом Альберта.

Тем временем Константин встал со своего места и поднял торжественный тост:

— Господа, благодарю вас за то, что наши время, которое для нас, бизнесменов, особенно ценно, и посетили наш дом. За вас!

Константин залпом осушил бокал, и следом за ним, чокаясь, стали выпивать гости, сопровождая свои тосты шутками, смехом, остротами. Ужин начал проходить в заряженной веселой атмосфере. Гости оживленно беседовали, разбившись на коалиции.

«Вот он какой — высший свет!» — Анна обвела взглядом присутствующих. В былые времена под словом «свет» подразумевалось интеллигентное, привилегированное и

благовоспитанное общество, состоящее из людей, отличающихся ученостью, талантом, острым умом. А сейчас? Созерцание женщин, озабоченных брендовыми разговорами в сочетании с демонстрацией искусственных изменений внешности, и мужчин из лихих 90-х убеждало, что представление о свете сильно исказилось. Светский этикет тоже изменялся, в него были внесены корректировки. Если раньше в свете говорили обо всем, но ни во что не углублялись, то сейчас в разговорах спорили и о политике, и о религии.

— Влад, а как продвигается стройка вашей фермы? — спросила у Орлова Маша, подруга Юлианы.

Поднося очередной поднос с едой, Анна внимательней пригляделась к девушке. Эта была красивая, ухоженная блондинка с определенным объемом хирургического вмешательства, впрочем, как и Светлана, вторая подруга Юлианы — жгучая брюнетка, не менее эффектная, чем ее подруга. Муклы, увлечением которых была пластическая хирургия, имеющая целью не исправление дефектов внешности, а приобретение неестественных достоинств, не моргая следили за реакцией Орлова.

— Надеюсь, к осени все будет готово, — ответил Орлов.

— Влад, дорогой, мы будем ждать приглашения! — подхватила пожилая дама, сидящая напротив Маши.

— Елена Васильева, вы можете приезжать без приглашения. Мои двери всегда для вас открыты.

— Ах, Влад! Ты, как всегда, галантен!

— Кстати, о ферме — ты уже нанял работников? — поинтересовался Армен, друг Константина, солидный мужчина кавказской внешности лет сорока пяти.

— Почти собрал. Есть предложения?

— Да. У меня есть очень хорошие ребята. Они работали на ферме у Бори Аксенова.

— Ок! Давай их ко мне, я пообщаюсь.

— Кстати, Борю некоторые работники неплохо обворовывали на ферме, — заметил Константин.

— Не зря же у римлян даже была пословица: сколько в доме рабов, столько в доме врагов, — вступила в разговор Антонина, мать Юлианы.

— Это точно! Приходя домой, никогда не знаешь, найдешь ты шкатулку полной или пустой, — добавил кто-то из гостей.

Анне, впрочем, как и другой прислуге, стало некомфортно от этих разговоров, которые так или иначе были адресованы им.

Понимая, что гости не совсем корректно высказывают свои мысли в присутствии прислуги, Орлов обвел взглядом стоящих неподалеку девушек. Анне даже показалось, что взгляд его выражал сожаление, что разговор принял такой неприятный для них оборот.

— Кто знает, как обстоят дела с виноградниками в Шато? Хочу открыть там бизнес, — повел разговор в другое русло Орлов.

Присутствующие стали делиться опытом развития их бизнесов во Франции, давая ему дельные советы. Тем временем недремлющий батлер вновь дал команду прислуге разливать вино. Так уж случилось, что Анна доливала бокал Орлова. От сильного волнения девушка забыла все на свете, в том числе и самое главное правило, согласно которому нельзя было наливать в бокал через другой бокал. Все случилось так быстро, что Анна даже не поняла, как струйка вина потекла по пиджаку Влада, образуя состав преступления и его субъект, которого ожидал неминуемый приговор.

— Ой, простите, пожалуйста! — извинялась девушка, схватив салфетку и пытаясь оттереть пиджак.

— Влад, прости за оплошность. Мы все исправим, — заметив неприятный инцидент, начала Юлиана, быстро метнув на Анну недовольный взгляд.

«Хоть корзину собирай недовольных взглядов!» — подумала Анна и вновь сосредоточилась на пиджаке Орлова.

— Да все в порядке. Не смертельно, — стал успокаивать Анну Орлов, видя, как девушка от неловкости стала совсем пунцовой.

— Надо быть внимательней, — процедил Константин, рассерженный, что разговор был прерван.

— Анна, не трогайте пиджак салфеткой! Вы сделаете еще хуже, — жестко пресекла действия девушки Юлиана. — Отнесите лучше к Розе. Она все исправит.

Сидящие поблизости от Орлова гости, заметив переполох, сделали вид, что ничего не произошло, так как акцентировать внимание на такого рода инциденте было правилом плохого тона; другие, и вовсе ничего не заметив, продолжали вести между собой беседу.

— Пойду сниму пиджак. Он как раз нуждался в чистке, а вы пока продолжайте без меня, — с улыбкой сказал Орлов, пытаясь сгладить впечатление от случившегося.

Покинув зал вместе с Анной, Орлов последовал в уборную. Дойдя до уборной, он снял пиджак и передал его Анне.

— Простите еще раз! Так неловко получилось.

— Не извиняйтесь. Я же сказал — ничего страшного! Не расстраивайтесь, с каждым случается, — попытался утешить ее Влад, пристально взглянув в ее глаза.

— Спасибо! — поблагодарила его девушка. — Эта история с пиджаком еще долго будет наступать мне на пятки, — то ли ему вслед, то ли самой себе прокомментировала Анна, заставив Орлова обернуться и с удивлением взглянуть на девушку.

— Главное, чтобы пятки не сдавили, — обезоруживающе улыбнулся Орлов и зашел в уборную.

У Анны на миг перехватило дыхание от Орловского шарма. Она попыталась взять себя в руки и отправилась на поиски Розы.

Когда Роза увидела пиджак, она покосилась на Анну и ахнула.

— Ничего себе! Этот пиджак стоит как моя годовая зарплата! Как это ты так умудрилась?

— Ты не поверишь: не специально! — съязвила девушка, которую безумно раздражала Роза с ее покровительственными замашками.

— Что тут у вас происходит? Анна, почему вы не внизу? — неожиданно, как будто из-под земли, возникла строгая фигура Валентины.

— Она пролила на пиджак гостя вино. Буду поправлять ее ляп! — пробурчала Роза и скрылась за дверями своей коморки.

— Пролили что? — недоумевала Валентина, в голове которой даже не укладывалось указанное словосочетание.

Анна глубоко вздохнула, приказав держать себя в руках.

— Это вышло случайно.

— В таких делах не должно быть место случайностям!

— А что делать, если есть?

— Об этом вы подумаете, когда окажетесь на улице. Будем надеяться, что вам это

спустят с рук. А теперь возвращайтесь на место, — приказала Валентина и, развернувшись на своих каблуках, отправилась на обход территории.

— А ты, как я вижу, успела отличиться аж два раза за сегодняшний день! — Анна и не заметила, как позади нее выросла фигура Виктории, державшей на руках спящую Лизу.

— О нет! Одни случай принадлежит тебе! — Анна уже начала терять терпение от всеобщего порицания.

Виктория улыбнулась своей фирменной ядовитой улыбкой.

— Тяжело же тебе здесь придется, Абашева!

Девушка хотела было ответить в грубой форме, но Виктория быстро шмыгнула мимо нее, не дав ей возможность отпарировать.

Ближе к полуночи гости, разбившись на лагеря по интересам, вышли в сад и расположились в беседках. Кто-то остался в доме, продолжая дискутировать на интересные темы, другие решили насладиться живописью, ну а большинство мужчин предпочли более мужское времяпрепровождение в виде игры в бильярд и покер.

Альберт направил Гулю и Ксению прислуживать на второй этаж. Анна осталась на первом этаже и вышла в сад вместе с остальными официантами. Девушка заметила, как Маша, Света и другие девушки продолжали кружить вокруг Орлова. Он шутил, рассказывал анекдоты, поддерживал общую беседу, но взгляд его оставался сухим по отношению к гламурным хищницам. ореол недоступности и холодной отстраненности окружал Влада, не позволяя женщинам переходить грань. Они были похожи на мотыльков, бесконечно кружащих рядом с источником света, пытающихся подлететь к нему как можно ближе, чтобы только прикоснуться своими крыльями к раскаленной лампочке, а потом, обжигаясь, отлетать назад, чтобы, набравшись сил, вновь упрямо устремиться к свету, не видя прозрачной преграды.

Пару раз его взгляд останавливался на Анне, и он подбадривал ее своей мимолетной улыбкой. Но этого было достаточно, чтобы девушка, порхая, как мотылек, продолжила свою работу, не думая о том, что впереди ее ждет как минимум выговор.

Постепенно гости стали разъезжаться. Среди первых отбывающих был и Орлов. Вежливо попрощавшись с гостями и хозяевами вечера, он покинул дом Вадимовых, к большому огорчению мотыльков. Юлиана и Константин старались по максимуму уделить внимание всем присутствующим — провожали их до машин, любезно предлагали остаться на ночь. Воспользовавшись радушием хозяев, Света, Маша и Армен решили расположиться в заранее подготовленных гостевых комнатах.

Гуля взяла на себя заботу об Армене, который едва держался на ногах после выпитого алкоголя. Проводив его до дверей, девушка хотело было развернуться, но он схватил ее за руку и развернул к себе:

— А, нет! Кто меня разденет? — еле ворочая языком, спросил Армен.

Девушка растерялась: с одной стороны, она не могла позволить себе уйти так просто, оставив гостя одного, ведь он мог поднять шум; с другой стороны, она опасалась приставаний, что имело место в богатых домах — хозяева нередко домогались прислуги. Гуля знала об этом и постаралась обезопасить себя, предварительно приоткрыв дверь комнаты Армена, чтобы в случае необходимости ее могли услышать.

Кое-как девушка помогла мужчине дойти до кровати. Несмотря на свое дурманное состояние, мужчина кое-что еще соображал и не позволил девушке уйти так быстро:

— А кто меня разденет? — то ли спросил, то ли приказал Армен, продолжая

удерживать Гулю.

По выражению лица Гули можно было только догадаться, какая буря возмущения поднялась в ее душе, но, закусив губу, девушка стала снимать с мужчины обувь. Видимо, этого ему показалось недостаточно.

— Штаны!

Гуля оглянулась и подумала: а не позвать ли ей кого-нибудь из стаффа? Однако не успела она обдумать свои дальнейшие действия, как Армен потянул ее за руку, и девушка чуть не плюхнулась на кровать.

— Что здесь происходит? — раздался в коридоре голос Антонины, матери Юлианы, заметившей столь недвусмысленное положение Гули.

Женщина замерла на пороге и с каким-то отвращением созерцала представшую перед ней картину.

— Простите, я хотела помочь господину... — попыталась оправдаться девушка.

— Свою порочную натуру держите при себе и не выпускайте ее наружу в этом доме! — высокомерно вздернув бровь, стала отчитывать девушку Антонина.

Приложив усилия, Гуля выскользнула из объятий Армена, который уже был в отключке, и выбежала из комнаты, не глядя на Антонину, которая так и вперила в нее свой орлиный взгляд.

Гуля бежала по коридору, не видя ничего вокруг. Слезы застилали ей глаза, и она не заметила, как в этот самый момент ей навстречу вышла Юлиана со своими подругами. Гуля зацепила Машу, и та едва не упала, вовремя ухватившись за руку Светы.

— Ой, простите!

— Смотри, куда бежишь! — злобно ответила Маша.

— Что за слезы? — холодно поинтересовалась Юлиана.

— Ударилась, — соврала Гуля.

— Ммм... ясно... Завтра поговорим. Идите вниз.

Как только Гуля скрылась, Маша и Света стали возмущаться:

— Надо же! Где это ты их раздобыла? Одна вещи портит, другая на лету сбивает, словно вертолет-истребитель.

— Не я. Мой батлер. На рынке труда.

— Видимо, рынок был не так уж хорош, — ухмыльнулась Маша и продолжила прерванный разговор.

На дворе стояла глубокая ночь. Пока утомившиеся гости отдыхали в своих временных владениях, еще более утомившаяся прислуга только приступила к уборке. Лишь далеко за полночь Альберт распустил всех отдыхать. Анна медленно брела к своей комнате с одним только желанием — оказаться в мягкой кровати. Она тяжело вздохнула, понимая, что отдых составит два-три часа, в лучшем случае четыре, если просто завалиться в кровать, без предшествующих сну процедур. Девушка зевнула и прибавила шаг настолько, насколько это было возможно в ее положении: ноги отекали, на пальцах появились мозоли от новой обуви, а голова шла кругом.

Проходя мимо комнаты Гули, девушка слышала шум. Прислушавшись, Анна поняла, что девушка плачет навзрыд.

Анна постучала:

— Гуля, что случилось?

Девушка не отвечала. Анна хотела было уже уйти, но неожиданно дверь открылась, и

заплаканная Гуля выглянула в коридор:

— Спасибо, что интересуешься. Я... я... я... — девушка не выдержала и зарыдала еще сильнее.

Анна обняла ее и стала утешать. Зайдя с ней в комнату, она дождалась, пока Гуля хоть немного успокоится, налила ей воды и выслушала сбивчивый рассказ.

— Меня еще никогда не обвиняли ни в чем подобном... Как же так? — не унималась Гуля, рассказав Анне о недоразумении с Арменом. — Я воспитывалась в строгих правилах. У нас большая семья — у меня трое братьев и четыре сестры. Помимо отца за мной всегда приглядывали братья. Я всегда была защищена. А теперь...

— К сожалению, у нас только два пути: терпеть или уходить. Не научишься терпению здесь — не сможешь нигде. Нужно время. Все будет хорошо. Человек привыкает ко всему.

— А разве к этому можно привыкнуть? — жалобно взглянув в глаза Анне, выдохнула Гуля, поднося платок к заплаканным глазам. — Я знаю, ради чего я это делаю — моей семье нужны деньги. Мы всей семьей трудимся, как можем, чтобы родители не голодали, чтобы сестры вышли замуж.

Анна с сожалением взглянула на девушку. Всегда такая тихая, скромная, покладистая, она была похожа на раненую лань. Обидеть ее — это как будто обидеть ребенка.

— Ты счастливица! У тебя есть семья, есть о ком заботиться. Это должно давать тебе силы.

Гуля смахнула очередную слезу.

— А у тебя есть семья?

— Можно сказать, что нет, — грустно улыбнулась Анна. — Ладно, давай спать. Нам и так осталось всего ничего. — Анна не хотела вдаваться в подробности своей жизни. Она предпочитала отмалчиваться каждый раз, когда речь заходила о семье.

— Ты права, и я тут со своими соплями. Спасибо тебе! — благодарно взглянув в глаза Анне, прошептала девушка.

Анна попрощалась с Гулей и направилась к себе. Уже лежа в кровати и закрыв глаза, девушка увидела перед собой улыбающееся лицо Орлова и, сладко зевнув, позволила сонным фантазиям унести ее далеко за пределы Рублевки.

Следующий день сулил новые испытания для домашнего стаффа, как физические, так и моральные. Уже с самого утра началась капитальная работа по дому, не завершенная уставшей прислугой вчера. Когда все было вычищено и дом, потрепанный ужином, приобрел свой прежний вид, стали накрывать на стол.

Анна возилась наверху, заканчивая чистить ковер в коридоре, в тот самый момент, когда перед глазами стали мельтешить двойняшки, в очередной раз устроив соревнования по бегу. Виктория находилась неподалеку и следила за тем, чтобы никто из них не поранился. Анна старалась не обращать на них внимания до тех пор, пока Лиза не стала распылять белую присыпку, похожую на пудру. Девочка нарочно пачкала ковер, видя, как старается Анна. Обернувшись и увидев маленькое чудовище с зажатой в руках пудрой, Анна еле сдержалась, чтобы не надавать ей по жопе. Встав с колен, девушка подошла к Виктории:

— Неужели ты не видишь, что они делают?

Виктория скривила лицо.

— Это не ваше дело! — подчеркнуто на «вы» ответила Виктория, дав понять Анне, что не собирается переходить на более фамильярное обращение, считая ее не ровней себе.

— Нет, ты ошибаешься — это мое дело, потому что они мешают *моей работе!* — Анна

стала повышать голос, чувствуя, что ее нервы на пределе от этих нескончаемо тяжелых рабочих дней.

— Знаешь ли, плохому танцору, как говорится, все мешает.

— Интересно, а что же тебе мешает выполнять свои обязанности?

— Что здесь происходит? — голос Альберта прервал дальнейшие пререкания девушек, и они воззрились на него как на судью, который должен вынести окончательный приговор.

— Эта горничная возомнила себе, что может учить меня общению с моими подопечными!

Своим цепким взглядом Альберт уже успел оценить ситуацию и понял, в чем причина конфликта.

— Во-первых, эту горничную зовут Анна. Вы как гувернантка детей не имеете права подавать пример бесцеремонного обращения. Во-вторых, госпожа Абашева абсолютно права! Вы должны следить, чтобы дети не мешали прислуге выполнять работу!

— А... а... а... — Виктория растерянно стала хлопать глазками, понимая, что не стоит идти на конфликт с батлером, от которого зависит судьба всего стаффа в этом доме.

— Уведите отсюда детей, — приказал батлер, и Виктория поспешила выполнить его распоряжение.

— А вы, Анна, постарайтесь сдерживать свои эмоции, от которых будет хуже только вам! — посоветовал ей Альберт.

— Это сложно сделать, учитывая, что она постоянно намеренно вставляет мне палки в колеса! И та сервировка...

— Я знаю, — не дав девушке договорить, спокойным тоном признался батлер, чем вызвал ее крайнее удивление.

— Так почему же вы меня... — Анна пыталась подобрать слова.

— Отчитал?

Девушка кивнула, ожидая его ответа.

— Вы должны усвоить урок. Я ведь постоянно твержу одно и то же: «Абашева, внимательность ко всему!» Это касается не только ваших обязанностей, но и тех, кто вас окружает. — Закончив свою речь, Альберт развернулся и зашагал в сторону салона, не дав Анне возможности ответить.

«Батлером нужно родиться! Он мегакрут!» — подумала Анна, глядя на его удаляющуюся спину.

Тем временем по коридору мчалась счастливая Роза, сжимая в руках чехол с одеждой.

— Анна!

— Да?

— Я принесла вам пиджак: мне все-таки удалось его отчистить, — победоносно заявила Роза.

— О! Спасибо вам! — засияла Анна.

— Держите и впредь будьте аккуратней! — снисходительным тоном напутствовала Роза.

Однако Анна была так рада, что не обратила внимание на обычно раздражающий ее голосовой фактор с нотками высокомерия. Будь это при других обстоятельствах, девушка не пропустила бы ее тон мимо ушей, но сейчас Анна чувствовала настоящее облегчение.

— Отдайте чехол Альберту. Он отправит его по адресу, — с этими словами Роза отправилась по своим делам.

— Нет, вы только представьте: я на показе в Милане, и ко мне подходит тот самый

восхитительный Грег и говорит мне, как я очаровательна в этом платье от Валентино! — Маша прямо-таки была в экстазе от своего рассказа в совокупности с воспоминаниями о красавчике Грее.

Все еще пребывавшая во власти воспоминаний, она томно попивала чай из чашки Hermes.

Юлиана сдержанно внимала ее рассказам и искусственно улыбалась, обнажая ряд неестественно-белых зубов. Света раскрыла от удивления глаза и глотала каждое слово подруги, Антонина вежливо кивала, а Армен и Константин беседовали о чем-то своем, чисто мужском.

За столом обслуживали Ксения и Гуля. Гуля была как натянутая струна и напрягалась каждый раз, как только взгляд Антонины тяжело падал в ее сторону, а Армен нечаянно задевал ее рукой. Мужчина был бы крайне удивлен, узнав, что часть немого диалога между Гулей и Антониной адресована ему вчерашнему.

— Ах, я так хочу слетать в Милан! Там уже новая коллекция V... Армен, а ты когда собираешься посетить Милан? — поинтересовалась у Армена Света, вторгаясь в разговор двух мужчин.

— Дорогая моя Светлана, такие неотесанные мужланы, как я, не очень сведущи в милановском шопинге!

— Армен, да ты же шикарный мужчина! И одеваешься очень стильно. Настоящий модник! Не прибедняйся! — серьезно заметила Светлана, не поняв сарказма мужчины, чем в очередной раз вызвала его ироничную улыбку. И не только его — даже Гуля с Ксенией не смогли сдержаться и прикусили свои губы, чтобы не рассмеяться.

— Пожалуй, я тебе поверю!

— Я вообще не понимаю мужчин, которые небрежно относятся к своей одежде, но больше всего не понимаю тех, кто покупает подделки! Это же просто моветон! — продолжала разглагольствовать Света, не обращая внимания на улыбки окружающих.

— Смею предположить, что у них просто нет денег и они хотят выглядеть не менее достойно на фоне состоятельных людей. И вообще, разве тебе, дорогая Света, попадались люди с фальшивыми брендами? Ты ведь возвращаешься только с настоящими? — съязвил Константин, решив наконец-то вмешаться в разговор.

Наконец поняв, что над ней насмеются, Светлана обиженно поджала свои тюнингованные губы.

— Вы надо мной смеетесь?

— Ну что ты, дорогая! Как можно... А представь: ты влюбишься в того, кто носит подделки и не способен зарабатывать большие деньги... — казалось, Армену доставлял удовольствие этот разговор.

— Мне даже страшно представить, что я могу связать свою жизнь с человеком, который давится Советским шампанским, лежа на икеевском диване! Я даже когда вижу мужчину в поношенной обуви, меня начинает тошнить! О какой любви может быть речь?

— Если такие приматы появляются в ближайшем радиусе, гнать их надо жестким полотенцем по дряблему телу, не знающему фитнес-занятий в клубе «Цезарь», — высказала свое мнение хозяйка дома.

— Ну, ну, дорогая! Не каждый может себе позволить «Цезаря»!

— Значит, не каждый может позволить себе нас! — Маша томно облизала губы и бросила на Константина взгляд роковой соблазнительницы.

— А разве ты можешь влюбиться в ту, которая не из твоего круга? — неожиданно спросила Света у Армена.

В этот момент Гуля как будто замерла, ожидая ответа мужчины. Она даже слышала стук собственного сердца.

— Могу, почему нет? В моем возрасте уже важно, чтобы с человеком было о чем потрахаться, как говорят.

— Армен!!! — Юлиана возмущенно посмотрела на своего гостя.

— Простите! По-другому не получилось высказаться! — виновато улыбнулся Армен, которому была свойственна грубость, а порой и некая бесцеремонность.

— Ах, как же мы далеки от коммунизма... — рассуждая сам с собой, тихо промолвил Константин, чем вызвал удивление домашнего стаффа в лице стоявших неподалеку Альберта, Ксении и Гули, которые как никто другой из находившихся в зале ощущали на себе отсутствие так называемого коммунизма.

— Константин ударился в философию. Когда это происходит, он временно отсутствует. Физически, конечно, здесь, а вот духовно... — Юлиана закатила глаза и подняла их вверх.

— А вот теперь насмеваются уже надо мной! Армен, друг, а все началось с тебя! — пошутил Константин.

Тема разговора плавно перешла в другое русло и приняла легкий светский оттенок без тяжеловесного философского камня, на миг ставшего преткновением между людьми одного класса.

— Что с этим шатобрианом? Быстро сюда Михаила! — попробовав кусочек филе-миньона, возмущенно заметила Юлиана, заставив окружающих недоуменно обратить на себя все взоры.

Батлер тут же отправился за Михаилом, и, как только шеф-повар явился с повинной, за столом воцарилась тишина.

— Повар может не справиться с работой, только если умер, получил травму или лежит в реанимации в тяжелом состоянии. Других оправданий неправильно приготовленному блюду просто не существует, — с этими словами Юлиана отодвинула тарелку и указала на нее Михаилу. — Забирайте и проведите работу над ошибками.

Ксения и Гуля переглянулись. Михаил молча взял тарелку и скрылся с глаз долой, направившись в свою любимую обитель. Гости вновь принялись оживленно беседовать, как если бы не было этого досадного обстоятельства и прилюдного порицания того, кто долгие годы усердно работал на чету Вадимовых.

После ужина гости плавно переключались в гостиную, где их ожидали карты, вино и сигары. Виктория, появившаяся в этот момент в гостиной, сразу же заметила Армена и всячески пыталась обратить на себя его внимание. Поскольку времени у нее было не так много, ведь спустилась она лишь для того, чтобы найти игрушки двойняшек, то и действовала она с особым напором. Это не ускользнуло от внимания Анны и Гули, наблюдавших балзаковскую сцену обольщения.

— Ты только на нее посмотри, — шепнула Анне Гуля. — Вчера Орлов, сегодня Армен! Кидается на всех подряд! Да так явно, что даже тошно!

При воспоминании об Орлове Анна разочарованно вздохнула. Она до последнего лелеяла надежду, что мужчина появится на продолжение вчерашнего банкета.

Игривое настроение Виктории заметила и сама Юлиана, от взора которой мало что могло укрыться. Порой Анне казалось, что она обладает еще парой глаз, надежно ею

спрятанных. Подойдя к Виктории, Юлиана что-то тихо прошептала ей на ухо, после чего лицо последней моментально преобразилось — на нем не осталось и следа от прежней кокетливой улыбки бывалой обольстительницы.

После того как гости разъехались, Юлиана попросила Альберта собрать весь персонал в гостиной. Когда прислуга выстроилась в привычную шеренгу, она с лихвой напомнила все недочеты, имеющие место во время ужина.

— Абашева, вы должны были знать, что нельзя наливать в бокал через другой бокал, а тем более пытаться очистить пиджак после пролитого вина! Если такое случается, хотя надеюсь, что больше не случится, а иначе... — Юлиана выдержала драматическую паузу, давая понять, чем грозит еще один промах. — В ситуациях, связанных с одеждой, вы должны без промедления бежать к Розе! Кстати, удалось отчистить пиджак Орлова?

— Да, — не без гордости ответила Роза.

— Отлично. Далее, Башкина: я заметила, что вы были слишком броско покрашены. Если я не ошибаюсь, то в первый день вашего пребывания вы должны были ознакомиться с правилами.

— Конечно, Юлиана Сергеевна! Мы зачитали им все правила, да еще и распечатали, чтобы они их хранили и учили, — вышла вперед чопорная Валентина.

— Я все же повторю их первый и последний раз: горничная не должна носить украшения, распускать волосы и делать броский макияж. Нейтральность — один из пунктов при поступлении на работу. В этой профессии даже цвет формы имеет значение: он не должен раздражать глаз. Надеюсь, все это уяснили? — скорее утвердительно, нежели вопросительно предупредила Юлиана.

«Даже этой женской радости нас лишают!» — про себя возмутилась Анна, но внешне никак это не показала.

— Далее по этикету. Абашева и Юсупова: посуда убирается с левой стороны, из-за вас сбились все остальные, а еще вы не предусмотрели пиалы с теплой водой и дольками лимона! Вот это — непростительно! Альберт, почему допущена указанная оплошность?

— Пиалы были подготовлены, но забыты. Я со своей стороны не проконтролировал до конца этот момент.

— Ясно. — Юлиана еле сдерживалась, чтобы не отчитать и самого Альберта, но это было против правил, а хозяйка дома редко шла против правил, ведь воспитывалась она исключительно на них и исключительно в Англии, так же, как и сам Альберт, который еще в Англии начал свою трудовую деятельность в семье Вадимовых.

— По вину: к острой пище было подано слишком деликатное вино, — заметила женщина.

— Простите! Больше не допущу! — выступил вперед батлер.

— Что касается отношений с гостями нашего дома. Прошу всех вас исключить подобную возможность! Нельзя выражать свои искренние эмоции, показывать свое настроение, флиртовать! Должна соблюдаться дистанция между хозяевами, их гостями и персоналом. Вас как будто для них нет, но они для вас есть всегда и только во время обслуживания. — При этих словах Юлиана пристально посмотрела на Викторию и Гулю, от чего последние опустили глаза.

— Михаил и Люба, пудинг был слишком сладким и к сырам вы не подали сельдерея... А в остальном все было отлично!

— Учтем... — Михаил не сказал свое обычное «простите». В его душе гордость и обида

боролись с материальной необходимостью.

— И еще: никогда не забывайте про белые перчатки! Я заметила, Юсупова, что в самом начале обслуживания вы были без них! Валентина, почему не сделали замечание?

— Да я... — попыталась оправдаться Гуля, но Юлиана предотвратила ее попытки одним жестом.

— Не нужно оправданий. Я их не люблю. Все свободны, а вас, Альберт, я попрошу остаться.

Стафф начал быстро расходиться, не желая больше задерживаться подле хозяйки, в жилах которой, несомненно, текла холодная как лед вода.

— Бедный Штирлиц! Он всегда остается, и кто знает, что ему приходится терпеть от Мюллера, — тихо произнесла Анна и осеклась, вовремя спохватившись, что сказала вслух то, о чем подумала про себя.

Альберт еще долгое время беседовал с Юлианой, после чего отправился в свой кабинет для составления финансовой отчетности. И в этом распорядке трудового дня статья отдыха под названием «ужин» явно отсутствовала.

Реабилитация Михаила проходила в тесном стаффовском кругу, который образовывался так редко и от того был столь ценным, что прислуга наслаждалась каждой свободной минутой для того, чтобы пообщаться и вкусно поесть. Как сейчас, когда поедали остатки роскошного ужина, слушая душевные излияния Михаила.

— Столько лет на кухне! С первого взгляда могу определить, была ли рыба заморожена и насколько свежее мясо. Обмануть меня в этих вопросах невозможно. А соблюдение этих неблагодарных пунктов, особенно про потерю чувствительности в пальцах! Первое, чему меня научили как новичка на кухне, это тому, что, если по неосторожности схватить что-то горячее, ни в коем случае нельзя выпускать это из рук, а иначе пострадают другие люди... — Михаил закатал рукава и перед взором Анны, Ксении, Гули и Фролова (водителя Юлианы) предстал результат так называемой потери чувствительности пальцев — множество шрамов от ожогов и порезов.

Ксения, Гуля, Анна и Фролов внимательно слушали рассказ Михаила.

— А еще все эти нарезки по сантиметрам, миллиметрам, как если бы меня готовили на роль шеф-повара с тремя звездами Мишлен... Вот так и жил от зари до зари, впрочем, как и сейчас. На личную жизнь никогда не было времени. А пункты так и остаются пунктами, и в них нет жалости, и они, к сожалению, не согреют в старости...

Михаил тяжело вздохнул. Сердечные излияния шеф-повара пробудили воспоминания стаффа о собственных перипетиях жизни, и каждый погрузился в раздумья.

— А я несколько лет работал на одного миллионера, которого, бывало, из самолета, из клубов, из саун пьяного тащил на горбу в машину, — начал свой рассказ Максим Фролов. — Да так носил, что спину себе надорвал. В общем, существовал в прогибе в полном смысле слова. Служил ему верой и правдой, а потом он улетел и должен был прилететь во вторник, а я в понедельник день рождения друга отмечал. Так он мне звонит и визжит в трубку, как баба: «Где тебя носит, черт возьми? Я уже час, как в аэропорту стою!» А ему: «Да с другом день рождения отмечаю. Вы же завтра должны были прилететь?» На что он мне говорит: «Вот и оставайся со своими другом. Ты уволен!» Вот так просто после нескольких лет... Неблагодарные не только пункты... — вздохнул Максим.

Водитель Юлианы редко попадался прислуге на глаза. Он уезжал рано утром и приезжал за полночь вместе с Константином Викторовичем. У него был отдельный домик,

расположенный неподалеку от гаражей хозяев, где он проживал вместе с Розой. В те дни, когда Роза не успевала приготовить ужин, Максим приходил на кухню и лакомился тем же, что и остальные. Мужчина не ставил себя на пьедестал стаффовской иерархии, в отличие от супруги. Будучи более стоворчивым и приятным собеседником, он вызывал расположение и уважение прислуги.

— Ну, раз уж сегодня день откровений, то и я расскажу о себе, — подключилась Ксения. — Меня, например, долгое время не брали прислугой в богатые дома. Я была слишком шумной, как мне говорили в кадровых компаниях. Где бы я ни появлялась, что-то обязательно задевала, роняла, задвигала, раздвигала — в общем, создавала вокруг себя свое пространство, а прислуга должна быть мягкой, покладистой, умеющей создавать комфортную среду, так меня учили...

— И с тобой, видимо, всегда влетал твой характер! — засмеялась Анна, а вместе с ней и все остальные.

Кухня зазвенела от всеобщего веселья.

— Ну да. Я, видите ли, создавала дискомфорт для нанимателя. Мне пришлось пойти на курсы и обуздать себя, чтобы существовать в прогибе!

— А личная жизнь? — Михаил пристально смотрел на девушку.

Ксения скромно опустила глаза, что было ей несвойственно, и театрально вздохнула.

— Ах, двадцать четыре часа в сутки! Куда уж тут до личного...

Ксения подняла на него взгляд с оттенком женского флирта, от чего последний с трудом сглотнул и заставил себя перевести взгляд на Гулю.

— Ну, Юсупова, теперь твоя очередь.

Гуля смутилась, как она обычно делала, когда к ней проявляли излишнее внимание.

— Вот она — мягкая и покладистая, типаж кошечки. Таких, как Гуля, любят в кадровых агентствах! — заметила Ксения.

Гуля кинула на нее обиженный взгляд.

— Ну, ну... Я же не со зла, — попыталась оправдаться Ксения.

Анна положила руку на плечо девушки.

— Не хочешь — не рассказывай.

— Ну почему же... — Гуля выпрямила спину и начала рассказ. — Я приехала в Москву семь лет назад. Почти сразу же устроилась прислугой к состоятельным москвичам. Поработала у них три года, они улетели в Америку, а я устроилась к их другу — холостяку, богатому наследнику, который никогда не работал и так и не нашел себя. Он всегда наводил ужасный бардак в доме. Вместо книжных полок у него были стеллажи с DVD-эротикой и боевиками во всю стену. Его жизнь — это девочки, Мальдивы, тусовки, боевики и эротика. Во всей квартире чем-то по-настоящему ценным были лишь фотографии его дочери. Ее детская комната пустовала, а о жене я никогда ничего не слышала. Личная драма. Единственное, что осталось у этого человека без семьи и без самого себя, — это его дом. Однажды он пришел, как всегда, пьяный и стал ко мне приставать. Я собралась в тот же день и ушла. Теперь я с вами, чему очень рада. — Гуля улыбнулась мягко, застенчиво, по-восточному.

— Так, у нас остались Анна и Люба. — Ксения потерла руки. — Ждем от вас криминальных подробностей, — пошутила девушка и захихикала.

Люба уселась поудобнее, оглядела окружающих и, глотнув воды, продолжила эстафету.

— В двадцать один год я осталась одна с дочкой на руках. Банальная история о мужчине,

променявшем жену на любовницу. Мне пришлось работать на трех работах. Утром кафешка, вечером унитазаы, ночью мойка машин. В общем, всего понемногу. Потом устроилась поваром в молодую семью. Хозяин начал зарабатывать большие деньги, и они переехали в Москву. Дочку оставила с бабушкой, а сама с ними. Пять лет проработала я у них. Они были неплохими людьми, только вот деньги испортили хозяина, уж очень сильно изменили. — Люба откинулась на стул, и перед глазами возник флэшбэк:

— У нее началась своя жизнь, у него — своя. Она практически ничего не ела, пыталась сохранить фигуру. Как-то со мной на кухне разговорилась: мол, хорошо фигуристым девушкам, они аппетитные в глазах мужчин. Мой от таких млеет и блеет, жаловалась она. А я, мол, доска. «Так вы же практически ничего не едите, вот и форм у вас нет!» — говорю ей. А она мне в ответ: «Если располнею, муж бросит. Чтобы в люди выходить, ему нужна модель, хотя любит он пышные формы». Такое вот противоречие... Бывало, придет она после какой-нибудь вечеринки — и на весы становится. И так каждый день. Но настал тот самый день, когда все ее страхи оправдались и муж бросил ее ради другой, с пышными формами и куриными мозгами. Хозяйка горько переживала измену, а потом он подал на развод и ей пришлось собрать вещи и уйти. Детей не было, а все имущество на него. Вот и осталась ни с чем. А та, другая, просто жуть! Однажды хозяин смотрел по телевизору историческую программу, во время которой прозвучало имя Надежды Аллилуевой, и она поинтересовалась у хозяина, кто это. Я, признаться, чуть дар речи не потеряла: это же надо — таких вещей не знает! Я хоть и без образования, но Аллилуеву стыдно не знать даже мне. Я была против нее. Хозяку жалела, хотела, чтобы вернулась, и всем своим видом высказывала недовольство этой фигуристой курице, вот она от меня и избавилась. Прихожу как-то вечером, а она мне: «Люба, вы свободны, мы наняли другую кухарку. Она готовит, как мне нравится». И все тут. Сказала как отрезала — по-деревенски, никакого шика и гламура, в лучших традициях Юлианы Сергеевны.

— Да, интересно, — задумались участники междусобойчика.

— Анна? — все взгляды сосредоточились на девушке.

Анна некоторое время колебалась. Она, как и Гуля, не чувствовала особого энтузиазма, но наконец, собравшись с мыслями, все же попыталась что-то рассказать:

— Всю свою сознательную жизнь мечтаю стать журналистом. Много читаю и много пишу... Что касается моей работы она схожа с рассказом Любы. Я работала на трех, а порой и на четырех работах: унитазаы, посуда, дворы, школы... Потом состоятельная семья — пожилые супруги. С ними было сложно, но сносно. Детей не было, только племянница, которая появлялась у них раз в месяц. Жуткая стерва. Наследство стерегла, все ждала, когда они... ну, в общем... А еще у них было три кота — в доме невероятное количество шерсти и непереносимый запах. Когда я поняла, что приходится для того, чтобы убираться за тремя котами, мне просто невыносимо, я сказала себе: я не буду служить этим котам, и ушла. Потом опять унитазаы и все такое... Ну а теперь я здесь... Как-то так, — Анна пожалала плечами.

Так штафф поделился своими флэшбэками, начав маленькими шажочками приближаться друг к другу в этом огромном, холодном и чуждом доме, в котором каждый ощущал абсолютное одиночество.

— Девчата, а не хотите ли шампанского? — встрепенувшись, предложил Михаил.

Девушки переглянулись и пожалали плечами.

— А нам ничего за это не будет? — боязливо оглядываясь на дверь, спросила Гуля.

— Так уже нерабочее время, — заметил шеф-повар.

— А почему бы и нет?! — согласилась Ксения.

— Нам надо бы скрепить созданный профсоюз, согласны? — при этих словах Михаил вытащил из шкафчика бутылку шампанского, открыл ее и разлил по бокалам. Сев за стол вместе со всеми, мужчина поднял бокал.

— За встречу в доме Вадимовых: для кого-то незначимую, для кого-то судьбоносную! — Михаил моргнул Ксении, покрасневшей до корней волос.

Анна мысленно удивилась смущению девушки, но не падала виду. Остальные присутствующие даже не обратили внимание на знаки, посылаемые Михаилом.

— За встречу! — в свою очередь поддержал тост Фролов.

Немного захмелев, Фролов, Михаил и Люба запели, да так заразительно, что даже Анна не смогла удержаться и стала им подпевать вместе с остальными девушками.

— Ах, ребята! Ей-богу, вы все настоящие люди! — удовлетворенно вздохнул Фролов.

— А че, похожи были на зверей?

— Да нет! — заплетающимся языком стал оправдываться Фролов. — Это не вы... это... те, — Фролов стал куда-то показывать пальцем.

— Ты хочешь сказать, эта сучка Юлиа-ааа-нна, — не менее заплетающимся языком вторила ему Ксения.

— Тихо вы! Вас могут услышать! — осторожно косясь на дверь, попыталась вразумить их Люба.

— Хозяйка у нас хоть куда! — продолжал тем временем Фролов, который, по всей видимости, хотел, наконец, высказаться. Такое пренебрежение... Целыми днями катаю ее по Москве, так она хоть бы словом обмолвилась... как будто разговаривать со мной запахло... Только указания дает, а разговоры пресекает — мол, помалкивай лучше и езжай... Нет, нет, прямо она это не говорит... Она же воспитана по-английски!!! Во! Это теперь мода такая: быть выше разговоров с прислугой...

— Эй, эй! Остановись! Мы — не прислуга! Слы-ши-шь? Мы — штафф! — хихикнула Ксения.

Гуля и Анна тем временем молча слушали разговоры и косились на дверь, боясь быть пойманными на месте преступления. Веселое начало могло превратиться в плачевное увольнение. Анна дернула Ксению за рукав.

— По-моему, нам пора по комнатам.

— Ты что? Какие комнаты? Я только начала отдыхать, — возразила Ксения.

— Я, наверное, пойду, — тихо шепнула Анне Гуля.

— Иди, конечно... Я попробую забрать Ксению.

— Что это тут происходит? — на пороге кухни в халате и с распущенными волосами стояла Виктория, а рядом с ней Роза.

Присутствующие разом стихли.

— О, женушка моя пришла! Иииии, — икнул Фролов.

— А ну-ка марш домой! — грозная Роза подошла к мужу. — Мужа моего спаивать решили? Своих заведите и делайте, что хотите, а моего не трогайте! — чуть ли не силком таща за собой Фролова, высказывала свое неодобрение Роза.

— Эй, ты че так разоралась-то? — Ксения была готова идти в наступление, если бы не сдерживающие движения Анны и Гули.

[Купить полную версию книги](#)